

ДЖУНО ДИАС  
КОРОТКАЯ  
ФАНТАСТИЧЕСКАЯ  
ЖИЗНЬ  
ОСКАРА ВАУ



ПУЛИТЦЕРОВСКАЯ ПРЕМИЯ ПО ЛИТЕРАТУРЕ



Джуно Диас

**Короткая фантастическая  
жизнь Оскара Вау**

«Фантом Пресс»

2007

**Диас Д.**

Короткая фантастическая жизнь Оскара Бау / Д. Диас —  
«Фантом Пресс», 2007

Очень заковыристо все в жизни Оскара, доброго, но прискорбно тучного романтика и фаната комиксов и фантастики из испаноязычного гетто в Нью-Джерси, мечтающего стать доминиканским Дж. Толкином, но прежде всего — найти любовь, хоть какую-нибудь. Но мечтам его так и остаться бы мечтами, если бы не фуку — доминиканское проклятье, преследующее семью Оскара уже третье поколение. Тюрьма, пытки, страдания, трагические происшествия и несчастная любовь — таков их удел. Мать Оскара, божественная красавица Белі с неукротимым и буйным нравом, испытала на себе всю мощь фуку. Его сестра попыталась сбежать от неизбежности, и тоже тщетно. И Оскар, с отрочества тщетно мечтающий о первом поцелуе, был бы лишь очередной жертвой фуку, если бы одним знаменательным летом не решил избавить семью от страшного проклятья и найти любовь, даже ценой жизни. Роман американского писателя доминиканского происхождения вышел в 2007 году и в том же году получил Пулитцеровскую премию. Удивительный по своей сложности и многоплановости роман критики едва ли не хором сравнивают с шедевром Маркеса «Сто лет одиночества». Поэтическая смесь испанского и американского английского; магические элементы; новый культурный слой, впервые проникший на столь серьезном уровне в литературу, — комиксы; история Доминиканской Республики; семейная сага; роман взросления; притча, полная юмора. Словом, в одном романе Джуно Диаса уместилось столько всего, сколько не умещается во всем творчестве иного хорошего писателя.

© Диас Д., 2007

© Фантом Пресс, 2007

# Содержание

1		10
Один		10
Золотой век		10
Дебильная преисподняя		14
Оскар – молодец		18
Оскар на ближних подступах		21
Амор ди пендехо, или Влюбленный дуралей		22
Любовь и Оскар		24
Два		30
Три		42
Принцесса пожаловала		42
На дне моря		42
Девчонка из моей школы		44
Конец ознакомительного фрагмента.		47



# Джуно Диас

## Короткая фантастическая жизнь Оскара Вау

*Посвящается Элисабет де Леон*

*Галактус... какой ему прок от кратких безымянных жизней?*  
**Комикс «Фантастическая четверка».**  
**Стэн Ли и Джек Керби**  
**(Т. 1, № 49, апрель 1966 г.)**

*Господи, храни всех спящих!  
От пса, что на Райтсон-роуд смердит,  
До меня, когда я стал псом бродячим;  
Если любовь к островам этим – моя поклажа,  
Душа из гнили крылья соорудит.  
Но и душу сумели мне потравить  
Дворцами, лимузинами и всякой лажей.  
Китаеза, ниггер, сириец, креол,  
Плюнул я на их карнавал и ушел —  
Принимаю морские ванны, живу на дороге.  
Я знаю эти острова от Моноса до Нассау,  
Матрос с ржавой головой и глазами, как море,  
По кличке Светляк, здесь так называют  
Всех рыжих ниггеров, и я, Светляк, припоминаю:  
Когда-то эти задворки империи были раем.  
Я просто рыжий мальчик, что в море души не чаю,  
Образован, и недурно – для третьего мира сойдет,  
Во мне, ниггере, сидят и голландец, и англичанин,  
А значит, либо я никто, либо народ.*

**Дерек Уолкотт**

Copyright © 2007 by Junot Diaz

© Елена Полецкая, перевод, 2014

© Фантом Пресс, оформление, издание, 2014

\* \* \*

Рассказывают, он прибыл из Африки, приплыл безбилетником, затаившись в плаче обращенных в рабство, а потом излился смертной отравой на земли народа таино<sup>1</sup> ровно в тот миг, когда один мир сгинул и возник другой; этого демона втащили в мирозданье через врата кошмаров, сквозь трещину, образовавшуюся там, где лежат Антильские острова. Fuku americanus, или попросту фуку́, – в общем это означает «проклятье» или некий «злой рок», а конкретнее – Проклятье и Злой Рок Нового Света. Его еще называют адмиральским фуку́, потому что Адмирал<sup>2</sup> был разом и его повивальной бабкой, и одной из его самых заметных жертв среди

---

<sup>1</sup> Таино – собирательное название племен, живших до прихода европейцев на островах: Гаити, Куба, Багамских, Ямайка, Пуэрто-Рико. В XVII веке таино практически исчезли – политика уничтожения туземцев, которую проводили испанцы и завезенные ими болезни, не оставили таино никаких шансов на выживание.

<sup>2</sup> Адмиралом в испаноязычном мире называют Христофора Колумба, который был похоронен в Санто-Доминго, затем

европейцев; пусть Адмирал и «открыл» Америку, но умер он в нищете, страдая от сифилиса и внимая ангельским голосам (якобы). В Санто-Доминго, земле, которую он любил сильнее прочих (и которую Оскар в итоге назовет «нулевой отметкой Нового Света»), само имя Адмирала превратилось в синоним обеих разновидностей фуку́, большой и малой; произнести вслух это имя или даже услышать, как кто-то другой его произносит, все равно что наклеить беду на себя и своих близких.

Впрочем, как фуку́ ни величай и какое происхождение ему ни приписывай, ясно, что толчком к его бесчинствам послужило появление европейцев на Островах, и с тех пор мы в дерьме. Может, Санто-Доминго и впрямь «нулевой километр» фуку́, его порт прибытия и главная резиденция, но не будем забывать, что все мы – дети этой страны, нравится нам это или нет.

И заметьте, фуку́ – вовсе не древняя история, не байка про призрака, зарытого в далеком прошлом и более не способного страшить людей. В жизни моих родителей фуку́ был реальнее некуда – тем, во что так называемые простые люди с готовностью верили. У любого имелся знакомый, работавший в президентском дворце, и точно так же у любого имелся знакомый, которого сожрал фуку́. Как говорится, это носилось в воздухе, хотя в беседах фуку́ обычно не затрагивали; впрочем, и другие наиболее важные темы тоже. Однако в те старинные деньки фуку́ жировал, у него даже был личный промоутер, или верховный жрец, называйте как хотите. Наш тогдашний пожизненный диктатор Рафаэль Леонидас Трухильо Молина.<sup>3</sup> Никому не ведомо, кем был Трухильо, слугой фуку́ или его хозяином, исполнителем или начальником,

---

его прах перевезли в Гавану, и окончательно он упокоился в Севилье – такова версия испанцев. Но доминиканцы считают, что могила Колумба по-прежнему находится на их острове. В 1930-х годах появилась идея возвести маяк на месте могилы Колумба. Маяк (а точнее, музей) был построен только в 1992 году, и с тех пор это главная достопримечательность города. Строительство Маяка Колумба, как и само путешествие Адмирала, сопровождалось смертями, случайными и неслучайными, что породило легенду о фуку́ – сугубо доминиканском проклятии, связанном с Колумбом, а в XX веке – и с диктатором Трухильо. В 1948 году были произведены взрывные работы для закладки Маяка, в результате обломками скал засыпало автомобили и людей, и Трухильо, будучи человеком крайне суеверным, прекратил строительство, которое возобновилось только после того, как диктатура осталась в прошлом.

<sup>3</sup> Для тех, кто пропустил две обязательные секунды доминиканской истории: Трухильо, один из печально знаменитых диктаторов двадцатого века, управлял Доминиканской республикой с 1930 по 1961 год с неумолимой и стабильной жестокостью. Тучный мулат со свинячьими глазами и садистскими наклонностями, выбеливавший себе кожу, носивший обувь на платформе и обожавший белишко Наполеоновской эпохи, Трухильо (также известный под именами Эль Хефе – Шеф с большой буквы, Скотокрадово Семя и Мордоворот) сумел взять под контроль всю политическую, культурную, социальную и экономическую жизнь в ДР, применив весьма действенное (и не раз опробованное) средство – микс из насилия, в том числе над женщинами, запугивания, кровавой резни, раздачи должностей и террора; на страну он смотрел как на плантацию, где хозяином был он и только он. На первый взгляд типичный латиноамериканский каудильо, однако его власть была обречена по причинам, которые, смею утверждать, почти никто из ученых, а также писателей не смог распознать или даже вообразить. Он был нашим Сауроном, нашим Эйроном Годзиллой, нашим Дарксайдом, нашим Диктатором на веки веков, то есть персонажем столь диковинным, непредсказуемым и неприглядным, что даже научные фантасты толком бы не знали, что с ним делать. Он был известен тем, что переименовал все географические названия в стране в свою честь (пик Дуарте стал пиком Трухильо, а Санто-Доминго-де-Гусман, первый и самый древний город Нового Света, превратился в Сьюдад-Трухильо, Тухильоград); тем, что накладывал лапу на любое национальное достояние (отчего вскоре вошел в топ-лист богатейших людей планеты); тем, что создал одну из мощнейших армий в нашем полушарии (у этого козла имелись даже бомбардировщики, господа прости); тем, что трахал всех привлекательных «кисок», какие только попадались ему на глаза, включая жен своих подчиненных, – тысячи, тысячи и тысячи женщин; тем, что ожидал, нет, *требовал* безоговорочного почитания своей персоны народом – его драгоценным *пуэбло* (недаром главный государственный лозунг звучал так: «С нами Бог и Трухильо»); тем, что управлял страной как тренировочным лагерем морских пехотинцев; тем, что лишал друзей и врагов собственности и должностей по личному капризу, а также тем, что обладал почти *сверхъестественными* способностями. Среди его выдающихся достижений значатся: геноцид гаитян, приезжих и местных, в 1937 году; одна из самых длительных и катастрофических диктатур, поддерживаемых США в Западном полушарии (и если мы, латиносы, в чем-то и знаем толк, так это в покорности диктаторам, поддерживаемым США, так что теперь вам ясно: победа досталась нам дорогой ценой; чилийцы с аргентинцами до сих пор с этим не разобрались); построение первой клептократии в современном мире (Трухильо был Мобуту, когда о Мобуту еще и помину не было); систематический подкуп американских сенаторов и последнее, хотя и самое существенное, – радикальная перековка граждан Доминиканской Республики (Трухильо удалось то, на чем даже штатовские морские пехотинцы во время оккупации обломались).

но очевидно, что между ними существовало взаимопонимание, эти двое были *близки*. Люди, и не только простые, но и образованные, верили, что всякий, кто замышляет против Трухильо, навлекает невероятной силы проклятье на себя и своих потомков до седьмого поколения, а то и глубже. Стоит лишь плохо подумать о Трухильо, и – бац! – ураган смоем ваш дом в море или – бац! – камень упадет прямо с неба и раздавит вас, а то и – бац! – креветка, съеденная на завтрак, к вечеру обернется фатальным заворотом кишок. Вот почему любой, кто пытался убить диктатора, всегда попадался, вот почему ребята, что в итоге его прикончили, приняли столь ужасную смерть. Взять хотя бы Кеннеди, чтоб его. В 1961-м он дал добро на уничтожение Трухильо, приказав ЦРУ доставить оружие на Остров. Промашка вышла, босс. Умные головы в разведке не сообщили Кеннеди главного, того, что было известно всем доминиканцам от мала до велика, от богатенького белого *хабао* из Мао до последнего нищего охламона-*гуэя* из Эль-Буэя, от старейшего долгожителя-*ансьяно* из Сан-Педро-де-Макорис до самого мелкого шкета-*карихито* из Сан-Франциско: на семью того, кто убьет Трухильо, обрушится такой страшный фуку, по сравнению с которым злой рок Адмирала покажется сущей фигней.

Хотите знать окончательный и исчерпывающий ответ на вопрос комиссии Уоррена «Кто убил Джона Кеннеди?» Тогда позвольте мне, вашему смиренному хранителю, поведать чистейшую божескую правду: это была не мафия, и не Линдон Бэйнс Джонсон, и не Мэрилин охренительная Монро. Не пришельцы, не КГБ и не одинокий стрелок. Не «Охотничье братство Техаса», не Ли Харви Освальд и не Трехсторонняя комиссия.<sup>4</sup> Его убил Трухильо; его убил фуку. Пресловутое проклятье семьи Кеннеди – откуда еще оно могло взяться, на фиг?<sup>5</sup> А как насчет Вьетнама? Почему, по-вашему, величайшая мировая держава вдруг проиграла войну стране третьего мира? Какому-то занюханному, уж простите, Вьетнаму. И возможно, вы сочтете любопытным такой вот факт: когда Штаты только разворачивались во Вьетнаме, 25 мая 1965 года президент Линдон Джонсон санкционировал незаконное вторжение в Доминиканскую Республику. (Санто-Доминго был Ираком, когда об Ираке еще и помину не было.) Американцы одержали блистательную победу, после чего многие войсковые подразделения и разведгруппы, участвовавшие в «демократизации» Санто-Доминго, сразу же перебросили во Вьетнам. И что, по-вашему, эти солдаты, техперсонал и шпики везли с собой в рюкзаках, чемоданах и нагрудных карманах? Что застряло в волосах их ноздрей, прилипло к подошвам ботинок? Всего лишь маленький подарочек от моего народа Америке, скромное вознаграждение за несправедливую войну. Точно, ребята. Фуку.

Вот почему важно помнить: фуку не всегда разит со скоростью молнии. Иногда он запасается терпением, уничтожая несчастного поэтапно, как это случилось с Адмиралом или американцами на рисовых полях Вьетнама. Порой он действует медленно, порой быстро. Отчего его погибельный потенциал лишь крепчает – трудно предвидеть, когда он ударит, чтобы сосредотчиться в нужный момент. Впрочем, будьте уверены: подобно Дарксайду с его омега-лучами, подобно Морготу с его гнусными происками,<sup>6</sup> сколько бы фуку ни вилял и ни юлил, эта мразь всегда – повторяю, всегда – возьмет свое.

<sup>4</sup> Версий нераскрытого убийства президента Джона Кеннеди предостаточно, есть среди них и экзотические. Вице-президент Линдон Джонсон, занявший пост президента после гибели Кеннеди, отменил ряд важных решений предшественника, фактически развернув политический курс. Мэрилин Монро, с которой у Кеннеди, как считается, была связь, тоже оказалась под подозрением. Существует версия, что Кеннеди стало известно о связи правящей элиты США с пришельцами из космоса и он намеревался обнародовать этот факт, потому пришельцы были вынуждены устранить его. Под подозрением были и тайные общества, среди которых упомянутые в книге «Трехсторонняя комиссия» и «Охотничье братство Техаса».

<sup>5</sup> Для тех умников, кто во всем видит заговор: в тот вечер, когда Джон Кеннеди-младший с женой Каролиной Биссет и ее сестрой Лорен летел в самолетике «Пайпер Саратога» навстречу своей гибели, на островке Уайнгард у побережья Массачусетса любимая прислуга дедули и папули обоих Джонов, старшего и младшего, доминиканка Провиденсия Паредес готовила для дедули-папули его любимое блюдо – жареную курицу. Но фуку всегда начинает есть первым и съедает все до крошки.

<sup>6</sup> «Я – первородный король Мелькор, могущественнейший из всех Валаров, бывших до сотворения мира и сотворивших



И неважно, верю ли я сам в это, скажем так, Великое Американское Проклятье. Когда поживешь столько, сколько прожил я, в стране, «излюбленной» фуку́, тебе порасскажут множество разных историй. В семье любого жителя Санто-Доминго кто-нибудь да сталкивался с фуку́. Мой *тио*, дядя, из Сибео, отец двенадцати дочерей, утверждает, что сыновей у него нет, потому что прежняя возлюбленная наслала на него проклятье. Фуку́. Моя *тия*, тетюшка, уверена, что не обрела счастья в жизни, потому что рассмеялась на похоронах соперницы. Фуку́. А мой *абуэло*, дедушка, убежден, что рассеяние доминиканцев по свету – месть Трухильо своему народу за то, что народ его предал. Фуку́.

Отлично, если вы не верите в подобные «предрассудки». И даже больше чем отлично – это просто потрясающе. Ибо во что бы вы ни верили, фуку́ верит в вас.

Совсем недавно, заканчивая эту книгу, я запустил словечко *фуки́* на доминиканский форум – из чистого любопытства; я ведь теперь такой умный, образованный. И что? Меня, блин, завалили комментариями. Видели бы вы, сколько я их получил. И продолжаю получать. И не только от доминиканцев. Пуэрториканцы хотят обсудить своих фуку́, у гаитян тоже имеется какая-то схожая дрянь. Историй про фуку́ – чертова пропасть. Даже моя мать, которая почти никогда не вспоминает вслух Санто-Доминго, вдруг поделилась своими соображениями на эту тему.

Думаю, вы уже догадались, что у меня есть своя история про фуку́. Как бы мне хотелось объявить ее лучшей из всех известных – фуку́ниана номер один, – но не могу. Моя история не самая страшная, не самая точная, не самая жестокая и не самая красивая.

Она просто держит меня за горло и не отпускает.

Я до конца не уверен, понравилось бы Оскару такое жанровое определение – история про фуку́. Он был несгибаемым приверженцем фантастики и фэнтези, полагая, что именно в этой стилистике мы все и живем. Он бы спросил меня: что на свете фантастичнее Санто-Доминго? И невообразимее Антильских островов?

Но теперь, когда я знаю, чем все закончится, я должен задаться вопросом: что на свете больше, чем фуку́?

И последнее, ей-богу, последнее замечание, прежде чем штат Канзас отправится баиньки: когда произнесенное вслух имя Адмирала или оброненное невзначай «фуку́» вгоняет в дрожь, люди в Санто-Доминго с давних пор прибегают к проверенному средству – одному-единственному, другого не существует, – чтобы предотвратить катастрофу, не позволить беде скрутить тебя, к одной-единственной надежной защите, способной обезопасить тебя и твою семью. Разумеется, эта вырубалка – слово. Просто слово (сопровожаемое обычно энергичным скреещиванием указательных пальцев).

*Сафа*. Нечто вроде «чур меня».

В былые времена это слово употребляли много чаще и, скажем так, шире; городская жизнь многих расслабила. Тем не менее существуют люди, вроде моего *тио* Мигеля, обитающего в Бронксе, который «сафит» все подряд. Старая школа, что поделаешь. «Янкиз» ошиблись в финальной подаче – сафа; угощаешь человека пассифлорой – сафа. Сафа круглые сутки – в надежде, что злой рок не успеет тебя зацепить. И сейчас, когда я пишу эти слова, я спрашиваю себя: а может, моя книга – тоже сафа? Мое очень личное контрзаклятье.

---

его. Мои желания тенью ложатся на Арду, и все, кто там есть, медленно и неуклонно подчиняются моей воле. Над всеми, кого вы любите, нависает мое разумение, нависает, словно облако, Злой Рок, окутывая их тьмой и вгоняя в отчаяние. Куда бы они ни направились, их сопровождает зло. Какие бы слова ни сорвались с их уст, в них заключена кривда. Что бы они ни совершили, все обернется против них. Они умрут без надежды, проклиная и жизнь, и смерть». Дж. Р. Р. Толкин, «Дети Хурина».

# 1

## Один Фанат из гетто на краю света 1974–1987 годы

### Золотой век

Наш герой был мало похож на доминиканских «крутых пацанов», о которых столько разговоров вокруг, – он ни разу не убежал из дома, не западал на выпивку и в плейбоях с миллионом «классных телок» в послужном списке тоже не числился.

С женщинами парню, считай, не везло (как это не по-доминикански с его стороны), за исключением разве что единственного эпизода в самом начале его жизни.

Ему было семь тогда.

В ту благословенную раннюю пору Оскар был почти Казановой. Этаким симпатягой дошкольного возраста, что всегда норовит поцеловать девочку или прижаться к ней покрепче в соответствующем па лихой румбы. Он был среди первых, кто научился танцевать перрито, и пускался в пляс при каждом удобном случае. Потому что в то время он был (пока еще) «нормальным» доминиканским мальчиком из «типичной» доминиканской семьи, а его ужимки уличного приставаля считались чем-то совершенно естественным и одобрялись его приятелями. На вечеринках – ах, сколько их было, этих вечеринок, в славные семидесятые, до того, как манхэттенский Вашингтон-Хайтс сделался сплошь доминиканским, а Бергенлайн в Нью-Джерси застрекотал по-испански по крайней мере на протяжении ста кварталов, – так вот, подвыпивший родственник непременно подталкивал Оскара к какой-нибудь девочке, и затем гости, повизгивая от восторга, наблюдали, как дети самозабвенно крутят бедрами, ну прямо как большие.

Жалко, вы не видели его тогда, вздыхала мать Оскара на закате своих дней. Он был нашим маленьким Порфирио Рубирой.<sup>7</sup>

Другие мальчики его возраста обходили девочек за милую, словно те были чудищами, пострашнее Годзиллы. Но только не Оскар. Парнишка обожал женщин, и «подружек» у него водилось хоть отбавляй. (Он был плотным ребенком, неумолимо обраставшим жирком, но мать следила, чтобы он был красиво пострижен и одет, и, прежде чем у него изменились черты лица, на ранних фотографиях Оскар предстает с чудесными горящими глазами и очарова-

---

<sup>7</sup> В сороковых-пятидесятых Порфирио Рубираса – или Руби, как его называли газетчики, – был третьим по счету самым знаменитым доминиканцем в мире (первым шел Скотокрадово Семя, а следом женщина-кобра Мария Монте). Рослый, сверкающий улыбкой красавчик, чей «огромный фаллос переполошил всю Европу и Северную Америку», Рубираса был завязтым плейбоем, помешанным на элитных вечеринках, автогонках и игре в поло, – то есть олицетворением «светлой стороны» Трухильо (он и в жизни был любимчиком диктатора). В 1932 году бывший манекенщик, франт и гуляка Рубираса сыграл шумную свадьбу с дочерью Трухильо Флор де Оро, и хотя уже через пять лет, в год гаитянского геноцида, супруги развелись, наш землячок умудрился сохранить расположение Шефа, пользуясь его милостями еще очень долго. В отличие от другого зятя, Рамфиса (с которым его имя часто рифмуют), Рубираса к исполнению убийств был, видимо, не способен; в 1935 году он отправился в Нью-Йорк со смертным приговором, вынесенным Мордоворотом Анхелю Моралесу, лидеру оппозиции в изгнании, но сбежал с места преступления еще до того, как покушение, провальное, было предпринято. Руби был прирожденным доминиканским жуиром, не пропускавшим ни одной юбки, – наследница миллионов Барбара Хаттон и Дорис Дьюк (на тот момент самая богатая женщина в мире), французская актриса Даниэль Дарье и За За Габор оказались среди многих прочих. Как и его друган Рамфис, Порфирио погиб в автомобильной катастрофе, в 1965 году он не справился с управлением своего 12-цилиндрового «феррари» в Булонском лесу. (Трудно переоценить роль, которую в нашем повествовании играют автомобили.)

тельно пухлыми щечками.) Подруги его сестры Лолы, приятельницы матери, даже соседка Мари Колон, почтовая служащая за тридцать с ярко-красными губами и задом, что раскачивался при ходьбе, словно колокол, – все кокетничали с ним (с высоты своего положения, разумеется). *Эсе мучачо эста буэно!* Какой милый мальчик! (А как насчет того, что он принимал их комплименты за чистую монету и ему явно не хватало родительского внимания? Да никак, ерунда!) Летом, когда семья навещала бедных родственников в ДР, он был особенно невыносим. Стоя перед домом своей *абуэлы*, бабушки, Крошки Инки, Оскар кричал проходившим мимо женщинам: *«Ту ерес гуана! Ту ерес гуана! Ты красивая!»* – пока некий адвентист седьмого дня не нажаловался *абуэле* и та не заткнула слюнявый рот этому комментатору хит-парада. *Мучачо дель диавло!* Чертов мальчишка! Тут тебе не кабак!

То был подлинно золотой век семилетнего Оскара, достигший апогея осенью, когда у парнишки одновременно появились две маленькие подружки и он пережил свою первую и единственную любовь втроем. С Марицей Чакон и Ольгой Поланко.

Марица дружила с Лолой. Длинные волосы, неприступный вид, прелестное личико – она могла бы сыграть Деху Торис в детстве, «марсианскую принцессу». Ольга, напротив, к друзьям семьи не принадлежала. Она жила в конце квартала, в доме, битком набитом пуэрториканцами, которые постоянно торчали на крыльце, распивая пиво, чем мать Оскара была крайне недовольна. (Зачем было тащиться сюда, гневно вопрошала она. Пиво можно и дома хлестать.) У Ольги водилось чуть ли не девяносто родственников, и всех звали Гектор, или Луис, или Ванда. А поскольку ее мать была *уна мальдита боррача* (как выражалась мать Оскара), проклятой пьянчужкой, от Ольги иногда дурно пахло, за что сверстники и прозвали ее мисс Вонючка.

Вонючка или нет, но она была такой тихой, так легко соглашалась повалить себя на землю, чтобы побороться, а заодно питала вроде бы искренний интерес к фигуркам из «Звездного пути», и Оскару все это очень нравилось. Марица же была просто красивой, тут незачем искать каких-либо иных мотиваций, и вдобавок соседкой, и не иначе как в минуту гениального прозрения Оскар решил заняться обеими девочками сразу. Сперва он приврал, будто с ними хочет встречаться волшебник Шазам,<sup>8</sup> его любимейший герой из комиксов. Но стоило им согласиться, как он отбросил всякое притворство. Не Шазам хочет – сам Оскар.

В те куда более невинные времена максимальная близость между ними выглядела так: на автобусной остановке они держались за руки, стоя вплотную друг к другу, чтобы никто не видел, а на прощанье, прячась за кустами, Оскар торжественно целовал в щеку обеих по очереди, сначала Марицу, потом Ольгу. (Вы только посмотрите на этого маленького мачо, говорили подруги его матери. *Ке омбре*. Каков мужичок.)

Троица протянула в таком составе лишь одну незабываемую неделю. Однажды после уроков Марица зажала Оскара в укромном уголке за качелями и выдвинула ультиматум: либо она, либо я! Взяв Марицу за руку, Оскар со всей серьезностью и велеречивостью заверил ее в своей любви и напомнил о договоре – между ними троими все должно быть поровну. Но Марица уперлась. От трех старших сестер она уже знала все о том, что способно таиться под этим прекраснодушным *поровну*. Если ты ее не бросишь, ко мне больше не подходи! В Марице, девочке с шоколадной кожей и раскосыми глазами, уже бурлила энергия Огуна, покровителя воинов и охотников, и этой мощью она будет обрушиваться на людей всю свою жизнь. Вернувшись домой, Оскар бросился искать утешения в мультиках, нарисованных еще до пришествия корейских потогонных киномастерских, – «Подобные Гераклу» и «Космический призрак». Что с тобой? – спросила мать. Она собиралась на свою вторую работу, экзема на ее руках казалась

<sup>8</sup> В комиксе «Капитан Марвел» (придумали его в 1939 году художник Чарлз К. Бек и писатель Билл Паркер) герой, мечтательный недотепа Билли, оказывается выбран волшебником Шазамом на роль супергероя, и с этого момента, стоит Билли сказать «шазам», как его поражает молния и он обращается в благородного Капитана Марвела.

прилипшим к коже мясным соусом. Когда Оскар прохныкал «девочки», мамаша де Леон едва не взорвалась. *Ту та йорандо пор уна мучача?* Ты распустил нюни из-за девчонки? Она поставила Оскара на ноги, дернув за ухо.

*Мами*, не надо, закричала его сестра, не надо!

Мать швырнула его на пол. *Дале ун гайета-со*, врежь ей как следует, посоветовала она, тяжело дыша, и вот увидишь, эта маленькая шлюшка тебя сразу зауважает.

Будь он другим дурачком, он бы задумался насчет «врезать». Да и рос он не совсем без отца, так что было кому показать пацану маскулинные приемы; просто в Оскаре напрочь отсутствовали воинственные наклонности. (В отличие от сестры; та дралась с мальчишками и отбивалась от целых стай черных девчонок, ненавидевших ее за тонкий нос и почти прямые волосы.) Боевой дух Оскара стремился к нулевой величине; даже Ольга, руки-спички, могла его пристукнуть, когда он, по ее мнению, говорил глупости. Так что агрессию и запугивание он отменил сразу и погрузился в размышления. Впрочем, думал он недолго. В конце концов, Марица была красивой, Ольга – нет; от Ольги порою воняло уборной, чего не скажешь о Марице. Марицу пускали в их дом, Ольга была не вхожа. (Пуэрториканка здесь, у нас? – фыркала мать. – *Хамас!* Никогда!) Логика лоха «да/нет», насекомые мыслят примерно по той же схеме. С Ольгой он порвал на следующий же день на игровой площадке, под наблюдением Марицы, и как же Ольга плакала! В обносках с чужого плеча, ботинках на четыре размера больше, чем надо, ее трясло, как ветошь на ветру! Сопли ручьями текли у нее из носа, и вообще!

Позже, когда и он, и Ольга превратились в непомерно толстых фриков, Оскара нет-нет да пронзало чувство вины: стоило ему завидеть Ольгу на улице – вот она шлепает вперевалку по тротуару или тупо смотрит прямо перед собой, дожидаясь автобуса, – он спешил проскочить мимо. До какой степени, спрашивал он себя, его тогдашняя «реальная крутость» поспособствовала нынешней тормознутости этой девушки. (Помнится, порывая с ней, он ничего не ощущал; даже слезы Ольги его не тронули. Что ты как маленькая, сказал он.)

Чувствительность, однако, вернулась в полном объеме, когда Марица бросила его. Как же ему было больно! Спустя всего неделю после того, как он послал Ольгу к чертям собачьим, Оскар, прихватив свою любимую коробку для завтраков, разукрашенную сценками из «Планы обезьян», отправился на автобусную остановку, где обнаружил Марицу в компании этого уроды Нельсона Пардо; они держались за руки. С Нельсоном Пардо, с виду вылитым неандертальцем Чака из «Земли проклятых»! С Нельсоном Пардо, полным кретином, воображавшим, будто луна – лишь пятно, по рассеянности не стертое Создателем. (И уж он-то до нее доберется и эту оплошность исправит, уверял Нельсон одноклассников.) С Нельсоном Пардо, освоившим искусство вламываться в чужие дома еще до того, как вступил в ряды морских пехотинцев и потерял восемь пальцев на ногах в Первой войне в Заливе. Сперва Оскар решил, что ему помешало: солнце било в глаза, и в придачу он не выспался. Он стоял рядом с ними, любясь своей коробкой для завтраков, – демонический доктор Зейус выглядел как живой. Но Марица ему даже *не улыбнулась!* Она его словно не замечала. Мы обязательно поженимся, говорила она Нельсону, и тот скалился как дебил, поглядывая в ту сторону, откуда должен был прийти автобус. От обиды Оскар не мог рта раскрыть; он сел на бордюр, в груди у него набухало нечто огромное и настолько страшное, что он вдруг, сам того не желая, расплакался. На остановку подросла его сестра Лола, спросила, в чем дело; он лишь помотал головой в ответ. Гляньте на этого пидарасика, хихикнул кто-то. А кто-то другой пнул его любимую коробку для завтраков, поцарапав лицо генералу Урко. Когда он вошел в автобус, все еще в слезах, шофер, бывший наркоман, гордившийся тем, что излечился от пристрастия к ангельской пыли, бросил ему: блин, что ты как маленький, ей-богу.

*Так как же тот разрыв подействовал на Ольгу?* Хотя на самом деле он спрашивал о другом: *как тот разрыв подействовал на него самого?*

Оскару казалось, что с того момента, как Марица бросила его, – Шазам! – жизнь его покатила под откос. Он начал толстеть, и за несколько лет его разнесло. Подростком ему пришлось особенно туго: лицо, напоминавшее яичницу, более не находили «миленьким», прыщей, проросших сквозь кожу, он стеснялся до судорог, а его увлечение НФ – великим жанром! – о котором прежде никто дурного слова не говорил, вдруг превратилось в синоним лузерства с большой буквы «Л». Завести друзей не получалось, хоть тресни; он был слишком женоподобным, слишком застенчивым и (если верить соседским ребятам) слишком странным (любил вставлять в разговор умные слова, заученные накануне). К девочкам он больше не приближался, поскольку в лучшем случае они его игнорировали, а в худшем визжали, обзывая жирной гадиной, *гордо аскеросо*. Танец перрито канул в вечность, и он не помнил, когда подруги матери в последний раз называли его «мужичком». И после Марицы он долго, очень долго никого не целовал. Будто все, чем он мог привлечь девчонок, сгинуло за одну гребаную неделю.

Не сказать, чтобы его «девушкам» больше повезло в жизни. Сдается, карма безлюбости, поразившая Оскара, накрыла и их тоже. В седьмом классе Ольга, преобразившаяся в огромное и страшное существо (наверняка тут не обошлось без генов тролля), начала пить, хлебая ром прямо из горла; из школы ее в итоге забрали, потому что она повадилась выходить на середину комнаты, где ребята после уроков делали домашнее задание, и орать что было мочи: СУКИ! Даже ее грудь, когда она наконец пробила, пугала своей обвислостью. Однажды в автобусе Ольга обзвала Оскара «обжорой ненасытным», и он чуть было не ответил, мол, на себя посмотри, *пуэрка*, но побоялся, что «свинью» она ему не спустит и оттопчется на нем всласть. Его рейтинг прикольности, и без того низкий, не выдержал бы публичного позора, обрушившись до уровня ребят с врожденными недугами или Джо Локоротундо, известного привычкой мастурбировать на людях.

А что же прелестная Марица Чакон, гипотенуза нашего треугольника? Как складывалась ее жизнь? Прежде чем кто-либо успел произнести «о всемогущая Изиди», Марица превратилась в самую неотразимую *гуану*, красотку, в их городе Патерсоне, штат Нью-Джерси, пополнив штат королев Нью-Перу. Поскольку они оставались соседями, Оскар часто ее видел: ни дать ни взять Мэри Джейн, подруга Человека-паука, из латиноамериканского гетто; волосы черные и сверкающие, словно грозовая туча, и, возможно, даже более волнистые, чем у его сестры, что перуанкам в принципе не свойственно (в ту пору Оскар еще не слыхал об афроперуанках и городе под названием Чинча); фигура настолько умопомрачительная, что старики, глядя на нее, забывали о своих болячках, – и уже с шестого класса Марица встречалась с мужчинами вдвое, втрое старше нее. (Ни в чем другом – спорте, учебе, работе – она особо не преуспевала, но с мужчинами разобралась мигом.) Означает ли это, что она избежала проклятья – что она была счастливее Оскара или Ольги? Вряд ли. По наблюдениям Оскара, Марица принадлежала к тем девушкам, которые обожают, когда бойфренды их лупят. С ней это происходило постоянно. Если парень ударит *меня*, надменно комментировала Лола, я вцеплюсь ему в рожу *зубами*.

Вот вам Марица: целуется взасос на крыльце своего дома; садится или выходит из машины какого-нибудь отморозка; падает от удара на тротуар. Страстные поцелуи, посадку и высадку, толчки и удары Оскар наблюдал всю свою безрадостную и лишенную секса юность. А куда ему было деваться? Окно его комнаты выходило прямо на фасад дома Марицы, и, рисуя персонажей из «Пещер драконов» или читая последнего Стивена Кинга, он волей-неволей подглядывал за ней. И за все эти годы ничего не изменилось, если не считать моделей автомобилей, размеров попки Марицы и музыки, несущейся из машины. Сначала фристайл, затем хип-хоп разлива «Илл Уилл Рекордс» и под конец – правда, очень недолго – сальса Эктора Лаво.

Почти каждый день Оскар бросал Марице «привет», притворяясь раскованным, довольным жизнью, и она отвечала «привет», равнодушно отвечала – но все лучше, чем ничего. Он не воображал, будто она помнит их поцелуи, но сам, конечно, забыть не мог.

## Дебильная преисподняя

В старших классах Оскар учился в школе с техническим уклоном имени Дона Боско, и, поскольку это католическое учреждение для мальчиков было под завязку набито закомплексованными гиперактивными подростками, для толстого фаната НФ Оскара школа «Дон Боско Тек» служила источником бесконечных мучений. В глазах Оскара школа была доскональным воспроизведением народной средневековой забавы, когда человека в колодках выставляют на обозрение толпы и тупые оголтелые придурки разнузданно оскорбляют его, попутно швыряя в несчастного чем ни попадя. Казалось бы, такой опыт должен был закалить Оскара, но не закалил, – и если из этой ежедневной пытки и можно было извлечь, пусть не без труда, какой-нибудь урок, Оскар так и не понял, в чем он заключался. Занятия он посещал исправно, как и подобает толстому одинокому задроту, мечтая лишь об одном – о том дне, когда ему вручат аттестат и отпустят с миром, положив конец этому кошмару. «Эй, Оскар, а на Марсе есть педик?» «Эй, толстожопый, получай! Ну как, по кайфу?» И когда он услышал выражение «дебильная преисподняя», то сразу сообразил, где она находится и кто ее обитатели.

Ко второму году обучения Оскар достиг впечатляющего веса в 123 кг (130 в период депрессии, случавшейся постоянно), и всем, а в особенности его родным, стало ясно: Оскар превратился в местного *паригуайо*.<sup>9</sup> Он не обладал ни одной из высших доблестей типичного доминиканского самца, не мог вытащить девушку на танец даже под страхом смерти. Спорт ему не давался, никакой, и в домино он тоже не играл, о ловкости приходилось только мечтать: мяч он бросал, как хилая девчонка. Не проявлял ни малейшей склонности к музыке, бизнесу или танцам, а также к мелкой торговле, рэпу и полублатным компаниям. Но все бы ничего, если бы не его внешность. На голове копна выющихся волос, как у пуэрториканца, на носу массивные уродливые очки – «противозачаточное устройство», острили Эл и Мигз, его единственные друзья, – над верхней губой неопрятная полоска пробивающихся усиков и в довершение близко посаженные глаза, отчего он слегка смахивал на умственно отсталого. Глаза Мингуса – сравнение, которое пришло ему на ум, когда он, перебирая диски матери, наткнулся на конверт с фотографией этого знаменитого джазиста. (Мать Оскара был доминиканкой старой закалки, женщин вроде нее Оскар больше не встречал; одно время она даже крутила роман с *морено*, негром, пока отец Оскара не поставил точку в этой отдельной семейной саге панафриканских безумств.) «У тебя глаза твоего дедушки», – заметила Крошка Инка в один из его визитов в ДР, и это несколько утешало – разве плохо походить на далекого предка? Правда, именно этот предок окончил свои дни в тюрьме.

Оскар всегда был фанатом фантастики – из тех детей, что читают про головоломные приключения Тома Свифта,<sup>10</sup> обожают комиксы и смотрят японского «Ультрачеловека», – но

---

<sup>9</sup> Уничижительное «паригуайо» – и в этом хранители единодушны – исковерканный английский неологизм *party watcher*, появившийся в испанском во время первой американской оккупации ДР, длившейся с 1916 по 1924 год. (А вы и не знали, что Доминиканская Республика в двадцатом веке была дважды оккупирована? Не смущайтесь, ваши дети тоже не будут знать о том, что США некогда оккупировали Ирак.) По рассказам очевидцев, во время первой оккупации представители американских войск часто наведывались на доминиканские празднества, но вместо того, чтобы присоединиться к общему веселью, иноземцы просто стояли и смотрели на танцующих. Разумеется, это не могло не показаться неслыханной дикостью. Кто ходит на праздник, чтобы лишь стоять столбом, будто *охрана* какая? Так морские пехотинцы превратились в *паригуайо*; в современном употреблении этот термин относится к любому, кто стоит в сторонке и смотрит, как другие вовсю кадрят девушек. Юнец, не умеющий танцевать, лишенный обаяния, позволяющий другим высмеивать его, – это *паригуайо*. Если заглянете в «Словарь доминиканских реалий», увидите, что статья «Паригуайо» проиллюстрирована деревянным изваянием Оскара. Это прозвище будет преследовать его всю жизнь и приведет к другому Хранителю, тому, что отсиживается на темной стороне Луны.

<sup>10</sup> Том Свифт – герой простеньких, но обаятельных детских книжек Виктора Апплетона (под этим псевдонимом скрывается целая писательская индустрия), который появился на свете еще в начале XX века, но жив и поныне. Том – юный гений, изобретения которого неизменно опережают время. Это именно он изобрел телефон и самолет, мотоцикл и генную инженерию.



в старших классах его приверженность «великому жанру» сделалась абсолютной. Пока все остальные осваивали американский гандбол и бейсбольные подачи, разъезжали на машинах своих старших братьев, уводили прямо из-под родительского носа бутылки с недопитым алкоголем, Оскар планомерно обжирался Лавкрафтом, Уэллсом, Бэрроузом, Говардом, Александером, Гербертом, Азимовым, Бовой, Хайнлайном и даже «старичками», чья слава уже начала тускнеть, – Э. Э. «доком» Смитом, Стейплдоном и тем парнем, что написал кучу книжек про доктора Сэвиджа,<sup>11</sup> – жадно бросаясь от одной книги к другой, от автора к автору, от века к веку. (На его счастье, книги в библиотеки Патерсона поступали столь жидким ручейком, что там до сих пор хранились залежи фанатской литературы предыдущих поколений.) Его нельзя было оторвать от фильма, сериала или мультика, если там фигурировали монстры, космические корабли, мутанты, приборы, способные уничтожить мир, магия, спасатели Вселенной либо вселенские злодеи. Лишь в этом своем увлечении Оскар проявлял гениальность, собственную, по уверениям его бабушки, почти всем представителям их семьи. Он писал по-эльфийски, говорил на чакобсе, мог часами рассуждать о сравнительных достоинствах «Слана», «Дорся» или «Человека-линзы», о «Мире, полном чудес» он знал больше, чем его создатель Стэн Ли, а ролевые игры были его страстью. (Будь он столь же хорош в видеоиграх, цены бы ему не было; игровые приставки у него имелись, целых две, но не хватало быстроты реакции.) Наверное, если бы он, как я, например, скрывал свои заморочки, в школе бы его меньше доставали, но он так не умел. Чувак нес свое фанатство, как джедай – световой меч, а человек-линза – свою линзу. Сойти за нормального шансов у Оскара не было, даже если бы он и захотел.<sup>12</sup>

Он был урожденным социальным интровертом: на уроках физкультуры его лихорадило, а дома он запоем смотрел культовые британские сериалы вроде «Доктора Кто» или «Семерки Блейка»;<sup>13</sup> он мог на пальцах показать особенности конструкции истребителя «Вер-

<sup>11</sup> Книги (их наберется под две сотни) о приключениях доктора Сэвиджа (в духе приключений Индианы Джонса) написал Кеннет Робсон, а точнее, авторский коллектив, скрывавшийся под этим псевдонимом; дело происходило в 1930-х годах.

<sup>12</sup> Откуда взялась эта безразмерная любовь к фантастике? Кто его знает. Возможно, в нем заговорила антильская кровь (мы ведь знатные фантасты, правда?) либо сказались первые несколько лет жизни, проведенные в ДР, а затем резкий и не безболезненный бросок в Нью-Джерси – обычная грин-карта перемещает не только из одного мира в другой (из третьего в первый), но из одного века в следующий (от телевизора далеко не в каждом доме и перебоев с электричеством до полного изобилия означенных благ). После такого транзита, вероятно, никакие другие сценарии, кроме самых экстремальных, и рассматривать не станешь. А может, дело в том, что, еще живя в ДР, он насмотрелся «Человека-паука» и его слишком часто водили на кун-фу-фильмы, а его бабушка знала множество страшных историй о Куко, призраке с тыквой вместо головы, и длинноволосых погубительницах *siguapas*. Либо виновата служащая из его первой библиотеки в Америке, прихотившая Оскара к чтению до такой степени, что при виде первой повести о Денни Дане его словно током ударило. Или же это было просто веянием времени (разве не в начале семидесятых появились первые НФ-фаны?) либо следствием того обстоятельства, что в детстве у него совсем не было друзей. А может, это было в нем заложено по генетической линии? Трудно сказать. Ясно одно: книги и статус фаната (за неимением лучшего термина) помогли ему продраться сквозь тяжкие годы его юности, а с другой стороны, будь он всего лишь толстяком, на беспокойных улицах Патерсона Оскар выделялся бы не столь заметно. Для других мальчишек он был легкой добычей – на него сыпались тычки и пинки, его дергали за резинку трусов, разбивали очки и прямо у него на глазах рвали пополам книги, новехонькие, только что купленные в магазине «Схоластик» по пятьдесят центов каждая. Книжки любишь? Теперь у тебя их две! Гы-гы! Увы, никто так не норовит унижить другого, как униженные. Даже мать находила его увлечения дурацкими. *Па фуэра!* Иди, гуляй! – командовала она по крайней мере раз в день. *Портате комо ун мучачо нормаль*. Веди себя как нормальный парень. (Лишь сестра его поддерживала. Сама запойная читательница, она приносила ему книги из своей школы, где библиотека была получше.) Вы правда хотите знать, каково оно, быть мутантом? Просто вообразите себя умным и небелым парнем, помешанным на чтении, в современном американском гетто. Мамма миа! Это все равно что обзавестись крыльями летучей мыши или парой шупалец, проросших из груди. *Па фуэра!* – рычала мать. И он покорно, словно приговоренный, выходил на улицу, где на него тут же набрасывались соседские ребята. Ну пожалуйста, я хочу посидеть дома, упрасивал он, но мать выталкивала его вон – ты не женщина, чтобы сидеть дома, – и час-другой он терпел издевательства, пока, уловив момент, не пробирался тайком домой и, спрятавшись в стенном шкафу на втором этаже, читал при тонкой полоске света, пробивавшейся сквозь щель между дверцами. В конце концов мать выволакивала его из шкафа: да что с тобой, *на хрен*, такое?! (И уже тогда на клочках бумаги, в тетрадках, на тыльной стороне ладони он начинал что-то черкать, пока ничего серьезного, лишь усеченный пересказ его любимых историй, и пока ничто не предвещало, что эти полубредовые компиляции станут его призванием.)

<sup>13</sup> К культовым фантастическим сериалам «Доктор Кто» и «Семерка Блейка» приложил руку Терри Нэйшн, придумавший «далеков», расу инопланетных злобняков.

тек» и танка на ходулях, на котором воюют пришельцы Центраэди, и употреблял звучные слова вроде «беспрецедентный» и «экзистенциальный» в разговоре с балбесами, что со скрипом переходят из класса в класс. Он был из тех умников, что не вылезают из библиотек и поначалу обожают Толкина, потом романы Маргарет Уайс и Трейси Хикмэн<sup>14</sup> (любимым героем Оскара был, разумеется, маг Рейстлин<sup>15</sup>), чтобы с наступлением восьмидесятых глубоко проникнуться мыслью о конце света. (Оскар пересмотрел все фильмы об апокалипсисе, перечитал все книги и сыграл во все игры, присудив абсолютное первенство Уиндему, Кристоферу и ролевой игре «Мир Гамма».<sup>16</sup>) В общем, картина вам ясна. Это подростковое фанатство истончило до бестелесности его шанс на первую любовь. Все вокруг переживали ужас и счастье первого свидания и первого поцелуя, Оскар же сидел на задней парте, играя в «Пещеры драконов» и наблюдая, как утекают сквозь пальцы его юные годы. Паршиво, когда у тебя нет отрочества; это все равно что оказаться запертым в шкафу на Венере ровно в тот момент, когда впервые за сотню лет над планетой восходит солнце. Добро бы еще его не интересовали девочки, как некоторых фанатов, друзей моей юности, но, увы, в Оскаре по-прежнему пылали страсти, влюблялся он легко и безумно. Его тайными привязанностями кишел весь город – главным образом, кудрявыми корпулентными девушками из тех, что даже не плюнут в сторону такого лоха, как он, но это не мешало ему о них мечтать. Его чувства – гравитационная масса, слепленная из любви, страха, тоски, желания и похоти, – устремлялись к любой и каждой девушке в округе, независимо от ее внешности, возраста или доступности, и каждый божий день его сердце разбивалось вдребезги. Самому ему казалось, что эта гравитационная масса буквально прет из него, но девушки, похоже, ничего такого не ощущали. Разве что дергали плечиком или складывали руки на груди при его приближении, и не более того. Он часто плакал из-за любви к той или иной красавице. Плакал в ванной, где его никто не мог услышать.

В иных обстоятельствах его всухую проигранные амурные подачи, может, и не стали бы комментировать, но мы-то ведем речь о доминиканском пареньке из доминиканской семьи, – предполагалось, что, обладая ядерным зарядом сексуальности, ему надлежит лапать телок безостановочно. Все отмечали в нем недостаток напористости и, будучи доминиканцами, активно обсуждали этот факт. Его дядя Рудольфо (недавно освободившийся из тюрьмы после последней и финальной отсидки и ныне проживавший в их доме на Главной улице) был особенно щедр на поучения. Слушай, *паломо*, голубок, надо схватить девчонку и зажать ее. Тогда все получится. Начни с дурнушек. Зажми дурнушку и не теряйся! У дяди Рудольфо имелось четверо детей от трех разных женщин, так что чувак был, несомненно, экспертом по части «зажать», и как же им повезло, что он осел в их доме.

Как реагировала мать Оскара? Единственной фразой: тебе надо думать об учебе. А в более глубокомысленные моменты: радуйся, что тебе не выпало столько, сколько выпало мне.

– Чего тебе выпало-то? – хрипел дядя.

– Много чего, – отвечала мать.

Его друзья Эл и Мигз?

– Чувак, ты типа слегка толстый, ну, сам понимаешь.

Его *абуэла*, бабушка, Ла Инка?

– *Ихо*, сынок, парня краше тебя я в жизни не встречала!

Сестра Лола высказывалась куда более по делу. Теперь, когда ее сумасшедшие деньки миновали, – а какая доминиканская девушка в определенном возрасте не срывается с цепи? – она превратилась в крутую джерсийскую доминиканку, бегунью на длинные дистанции, обла-

---

<sup>14</sup> Маргарет Уайс и Трейси Хикмэн – авторы серии книг «Dragonlance» (в русской версии «Саги о копье»), создатели одного из самых известных фэнтезийных миров.

<sup>15</sup> Один из главных героев книг Уайс и Хикмэна – маг Рейстлин, весьма импозантный, очень худощавый и с кожей приятного золотистого оттенка.

<sup>16</sup> «Мир Гамма» – первая ролевая игра, действие которой происходит после того, как мир накрыл апокалипсис.

дательницу собственной машины и чековой книжки; мужчин она называла засранцами и при случае потрошила их беззастенчиво. Когда ей было восемь, на нее набросился знакомый парень, постарше, чем она; об этом знала вся семья (и по цепочке изрядная часть населения Патерсона, Юнион-Сити и Тинека), и пережитые зверская боль, любопытство соседей и долго не утихавшие пересуды сделали ее тверже алмаза. Недавно она коротко подстриглась (чем в который раз довела мать до иступления) – отчасти, думаю, по той причине, что в детстве ей отрастили волосы до попы; ее грива была предметом семейной гордости, и насильник, вероятно, тоже ею восхищался.

– Оскар, – не уставала повторять Лола, – ты умрешь девственником, если не изменишься.

– Думаешь, я не понимаю? Еще лет пять – и в мою честь воздвигнут церковь.

– Подстригись, сними очки, делай зарядку. И выбрось эти порножурналы. Они отвратительны, маме из-за них неловко, и девушку найти они тебе не помогут.

Здравый совет, которому он в итоге не последовал. Пару раз Оскар пытался упражняться, махал ногами, приседал, обходил квартал ранним утром – все в таком ключе, но что он первым делом замечал, выходя на улицу? А то, что девушки есть у всех, но только не у него, и опять впадал в отчаяние, принимался уплетать за обе щеки, листать «Пентхаус», конструировать пещеры и жалеть себя.

У меня, похоже, аллергия на усердие. – Ха, отвечала Лола, у тебя аллергия на усилие.

Было бы не в пример лучше, если бы Патерсон с пригородами походил на школу Дона Боско либо на зону, очищенную от мужчин, как в фантастических феминистских романах семидесятых. Патерсон, однако, кишел девушками, как и Нью-Йорк или Санто-Доминго. В Патерсоне жили обалденные девушки, а если тебе этих красоток мало, тогда давай, придурок, двигай в южном направлении, там тебе Ньюарк, Элизабет, Джерси-Сити, Оранджис, Юнион-Сити, Западный Нью-Йорк, Уикхокен, Перт-Эмбой – городок пальчики оближешь, известный всем пацанам как Чувихобург № 1. Словом, на девушек – испаноязычных карибских девушек – Оскар наткался повсюду.

Даже дома он не чувствовал себя в безопасности: к ним приезжали гости, у сестры вечно ошивались подружки. В их присутствии ему и «Пентхаусов» не требовалось. Девушки были не то чтобы очень стильные, но, безусловно, офигительные: бесшабашные латиноамериканки, что подпускают к себе только накачанных черных парней или крутых латиносов, балующихся оружием с колыбели. Они играли в одной волейбольной команде, высокие, стройные, словно молодые кобылки, и когда они выходили на пробежку, то казалось, что именно так должна выглядеть легкоатлетическая сборная в раю для террористов. Этакие *сигуаны*, погубительницы мужчин, перекочевавшие в графство Берген. Старшая среди них, Глэдис, постоянно жаловалась на свою большую грудь, утверждая, что именно из-за огромных сисек она не в состоянии найти себе нормального бойфренда; Марисоль, в итоге поступившая в МТИ, Оскара терпеть не могла, но нравилась ему больше прочих; Летиция, свежеприбывшая наполовину гаитянка, наполовину доминиканка (вопреки заверениям доминиканских властей, что такого сорта полукровок в природе не существует), говорила по-английски с сильнейшим акцентом и была настолько добронравной, что отказалась переспать с тремя бойфрендами подряд! Было бы еще ничего, если бы эти цыпочки не обращались с Оскаром как с глухонемым прислужником в гареме, используя его в качестве мальчика на побегушках и насмехаясь над его ролевыми играми и внешностью; но окончательно ему становилось невмоготу, когда они захлеб обсуждали свою сексуальную жизнь, не обращая на него ни малейшего внимания, а он в это время сидел на кухне, судорожно сжимая в руках свежий выпуск «Драконов». Эй, кричал он им, здесь, между прочим, имеется и мужская особь, если вы не в курсе.

– Где? – любезным тоном осведомлялась Марисоль. – Я никого не вижу.

А когда они говорили, что парням-латиносам, похоже, нужны только белые девушки, Оскар вставлял:

– Мне нравятся испанские девушки.

– Это здорово, Оскар, – с бесконечной снисходительностью в голосе роняла Марисоль. – Но есть одна проблемка: ни одна испанская девушка не захочет встречаться с тобой.

– Оставь парня в покое, – однажды вступилась за него Летиция. – Оскар, я считаю тебя очень милым.

– Ну да, – рассмеялась Марисоль, закатывая глаза, – теперь он точно напишет о тебе книгу.

Они были его фуриями, эти девушки, его личным пантеоном; они снились ему чаще других, и пусть они откровенно шпыняли его, но, разумеется, постепенно они проникли в его дилетантские сочинения. В мечтах он либо спасал их от пришельцев, либо возвращался в Патерсон богатым и знаменитым – это он! доминиканский Стивен Кинг! – и они бросались к нему со всеми до единой книжками, что он написал, и мольбой об автографе. Прошу тебя, Оскар, женись на мне. Оскар, шутливо: прости, Марисоль, я не беру в жены невежественных сучек. (Но потом он, конечно, все равно на ней женится.) Он по-прежнему наблюдал издалека за Марицей в твердой уверенности, что однажды, когда их накроет атомная бомба (или разразится чума, или случится нашествие триподов) и цивилизация будет стерта с лица земли, именно он спасет ее от радиоактивных кровососов и они вместе отправятся по опустошенной разгромленной Америке на поиски светлого завтра. В этих апокалиптических мечтах наяву он всегда был могущественным супергением, вроде дока Сэвиджа, достигшим невероятных высот как в боевых искусствах, так и во владении огнестрельным оружием. А о чем еще мечтать лоху, который никогда не стрелял даже из духового ружья, никому не давал под дых и не набирал больше тысячи очков в тренировочных тестах для поступления в университет?

## Оскар – молодец

Учебу в выпускном классе он начал тучным, оплывшим, с вечной тяжестью в желудке и, что самое ужасное, одиноким, то есть без девушки. В тот год двое его дружков-фанов, Эл и Мигз, благодаря дичайшему везению обзавелись подружками. Девушки были так себе, страшненькие на самом деле, но тем не менее девушки. Свою Эл подцепил в парке Менло. Она сама подошла к нему, похвалилась Эл, и когда она сказала, предварительно отсосав у него, естественно, что у нее есть подруга, которая ужасно хочет с кем-нибудь познакомиться, Эл оторвал Мигза от игры и поволок в кино, ну а дальше все случилось само собой. Через неделю Мигз уже официально был при девушке, и лишь тогда Оскар узнал о том, что происходит. Узнал, когда они втроем сидели у него в комнате, предвкушая очередную забойную авантюру Чемпионов против Смертоносных Дестроеров. (Оскару пришлось притормозить с его любимым «Раздраем», потому что никто кроме него не рвался играть среди постапокалиптических развалин поверженной вирусом Америки.) В первый момент, услышав о двойном секс-прорыве, Оскар ничего не сказал, только жал и жал на кнопки приставки. Вам, ребята, привалило, про-бормотал он очень не сразу. Его убивало то, что они не вспомнили о нем, не подключили его к съему девушек. Он злился на Эла: почему позвал Мигза, а не Оскара? И злился на Мигза, которому девушка таки обломила. Эл при девушке – это Оскар еще мог понять. Эл (полное имя Эйлок) был одним из тех стройных индейских красавчиков, в ком никто и никогда не опознал бы фаната ролевых игр. Но Мигз с девушкой – такое невозможно себе вообразить; Оскар был потрясен, и его мучила зависть. Мигза Оскар всегда считал еще большим фриком, чем он сам. Прыщи в изобилии, идиотский смех и дрянные почерневшие зубы, потому что в детстве ему давали лекарство для взрослых. А твоя девушка, она симпатичная? – спросил он Мигза. Чувак, ответил Мигз, видел бы ты ее, красавица. Большие охренительные титьки, поддакнул Эл. В тот день та малость, что оставалась у Оскара от веры в жизнь, была сметена

направленным ударом РСМ-45. Под конец, не в силах более терпеть эти муки, он жалобно спросил, нет ли у их девушек еще одной подружки.

Эл и Мигз переглянулись поверх экранов. Похоже, нет, чувак.

И тут Оскар кое-что понял про своих друзей, о чем прежде не догадывался (или, по крайней мере, притворялся, что не догадывается). Но теперь на него снизошло озарение, пробравшее его сквозь толщу жира до самых костей. Он уразумел: повернутые на комиксах, балдеющие от ролевых игр, сторонящиеся спорта друзья стыдятся его, Оскара.

Почва поплыла у него из-под ног. Игру он закончил раньше времени, Экстерминаторы обнаружили укрытие Дестроеров почти с ходу – мухлеж, проворчал Эл. Выпроводив друзей, Оскар заперся у себя в комнате, лег на кровать и пролежал несколько часов в полном отупении. Потом встал, разделся в ванной, которую ему больше не приходилось делить с сестрой, поскольку она поступила в Рутгерс, и дотошно оглядел себя в зеркале. Жир повсюду! Километры растяжек! Ужасные выпуклости по всему телу! Он походил на персонажа из комикса Дэниэла Клоуза.<sup>17</sup> Или на того черненького парнишку из «Паломара» Бето Эрнандеса.<sup>18</sup>

Господи, прошептал он, я – морлок.<sup>19</sup>

Наутро за завтраком он спросил мать: я некрасивый? Она вздохнула. Ну, сынок, ты точно не в меня пошел. Доминиканские родители! Их нельзя не любить!

Неделю он разглядывал себя в зеркале в самых разных ракурсах, вникал, не отводя глаз, и в итоге решил стать как знаменитый боксер Роберто Дуран, и никаких отговорок. В воскресенье он отправился к Чучо, и парикмахер сбрил его пуэрто-риканские кудряшки. (Погоди-ка, встрял напарник Чучо, ты *вправду* доминиканец?) Следом Оскар лишился усов, потом очков, купив контактные линзы на деньги, заработанные на складе пиломатериалов, а то, что осталось от его доминиканистости, попытался отшлифовать, решив обрести побольше сходства со своими сквернословящими развязными кузенами, – Оскар начал подозревать, что в их латиноамериканской гиперсамцовости и кроется ответ. Волшебного преображения, разумеется, не случилось, слишком многое было запущено. С Элом и Мигзом он снова увиделся на третий день своего добровольного поста.

– Чувак, – удивился Мигз, – *что* это с тобой?

– Перемены, – с напускной загадочностью отвечал Оскар.

– Что, ты теперь на музыку переключился?

Оскар с важностью покачал головой:

– Я на пороге новой парадигмы моей жизни.

Вы только послушайте его. Еще школы не кончил, а уже разговаривает как гребаный студент колледжа.

В то лето мать отправила его с сестрой в Санто-Доминго, и Оскар не артачился, как раньше. В Штатах его мало что удерживало. В Бани он прибыл со стопкой тетрадей и намерением исписать их все от корки до корки. Теперь, когда играть ему не с кем, он попробует стать настоящим писателем. Поездка обозначила своего рода перелом в его жизни. Если мать не одобряла его писанины и гнала из дома «проветриться», то *абуэла*, бабушка Крошка Инка, Оскару не мешала. Позволяла ему сидеть дома столько, сколько пожелает, и не требовала,

---

<sup>17</sup> Дэниэл Клоуз в своих популярных комиксах «Призрачный мир» и «Луч смерти» с тонкой иронией рассказывает графические истории не о супергероях, а об обычных людях.

<sup>18</sup> Графический роман «Паломар» Гилберта Эрнандеса начал выходить в 2003 году, действие его развивается в выдуманном латиноамериканском городе Паломар. С 2003 года комикс «Паломар» уже традиционно оказывается во всех списках лучших графических романов всех времен.

<sup>19</sup> Впервые морлоки появились на страницах «Машины времени» Герберта Уэлса, а впоследствии стали одними из основных обитателей научно-фантастических миров. С виду они напоминают людей, но боятся солнечного света, обитают под землей, а наружу вылезают исключительно в поисках пропитания – человечины.

чтобы он почаще «бывал на людях». (Она всегда очень боялась за него и сестру. Несчастий в нашей семье и без того хватает, повторяла она.) Не включала музыку и приносила ему поесть каждый день в одно и то же время. Сестра вечно пропадала где-то со своими буйными местными друзьями, всякий раз выскакивая к машине в бикини, когда за ней заезжали, чтобы отвезти в ту или иную часть острова обычно с ночевкой. Но Оскар сидел дома как пришитый. Когда кто-нибудь из родни являлся его навестить, *абуэла* выпроваживала гостя повелительным взмахом руки. Разве не видите, *мучачо*, мальчик работает! А что он делает? – интересовались опешившие родственники. Гения из себя делает, вот что, горделиво сообщала Ла Инка. А теперь *байансе*, уходите. (Много позже Оскар сообразил, что эти самые родственники могли бы найти ему сговорчивую девушку, снизойди он до общения с ними. Но это была бы совсем другая жизнь, и что толку о ней жалеть.) По вечерам, когда он уже не мог написать ни слова, Оскар садился на крыльце вместе с бабушкой, наблюдая за жизнью улицы и слушая перебранки соседей. Однажды вечером, ближе к концу его пребывания в Бани, *абуэла* разоткровенничалась: твоя мать могла бы стать врачом, как твой дедушка.

– Почему не стала?

Ла Инка покачала головой. Она смотрела на фотографию его матери, сделанную в первый день в частной школе; этот по-доминикански торжественный снимок бабушка особенно любила.

– Почему, почему... *Ун мальдито омбре*. Чертов мужчина.

За лето Оскар написал две книги о битве юноши с мутантами в эпоху конца света (ни одна не сохранилась) и сделал немислимое количество записок, включая всякие названия, которыегодились бы для его научно-фантастических и просто фантастических сочинений. (О семейном проклятье он слышал тысячи раз, но, как ни странно, писать об этом ему и в голову не приходило. Ну, то есть, что за фигня, любая латиноамериканская семья проклята, нашли чем удивить.) Когда им с сестрой пришло время возвращаться в Патерсон, Оскар почти горевал. Почти. *Абуэла* положила ладонь ему на темя, благословляя. *Кудате мучо, ми ихо*, береги себя, сынок. И знай, на свете есть душа, что будет любить тебя всегда.

В аэропорту Кеннеди дядя Рудольфо не сразу узнал его. Отлично, сказал *тио*, с неодобрением поглядывая на физиономию племянника, теперь ты похож на гаитянца.

После Санто-Доминго Оскар встречался с Мигзом и Элом, ходил с ними в кино, обсуждал братьев Эрнандес, Фрэнка Миллера и Алана Мура, но их дружба в полном объеме так и не восстановилась. Он слушал их сообщения на автоответчике и сдерживал себя, чтобы не побежать к ним в гости. Виделся с ними раз, от силы два в неделю. Оскар сосредоточился на своих романах. Потянулись нудные недели в одиночестве – только игры, книги и сочиненные строчки. Ну да, вместо сына у меня отшельник, горько жаловалась мать. По ночам, когда не мог заснуть, Оскар пилился в дурацкий ящик; особенно его заворожили два фильма, «Зардоз» (который он смотрел со своим дядей, прежде чем на повторе его не прогнали спать) и «Вирус» (японское кино про конец света с обалденной киской из «Ромео и Джульетты»). Финал «Вируса» пронял его до слез: японский герой достигает Южного полюса пехом по андийским хребтам, стартовав в Вашингтоне, и все ради женщины своей мечты. Я работаю над моим пятым романом, отвечал он приятелям, когда они спрашивали, куда он пропал. Это *затягивает*.

Видите? Что я вам говорил? Мистер Студент.

Раньше, когда его так называемые друзья обижали его или, пользуясь его доверчивостью, вытирали о него ноги, он безропотно терпел из страха перед одиночеством, улыбаясь и презируя себя. Но не теперь. Если за все годы, проведенные в школе, ему и было чем гордиться, так именно переменой в отношениях с Элом и Мигзом. Он даже рассказал об этом сестре, когда она приехала навестить семью, и услышал похвальное «ну ты даешь, Ос!». Он наконец-то про-



явил определенную твердость, а значит, и самоуважение, и, хотя ему было больно, он понимал, что это охренительно *хорошая* боль.

## Оскар на ближних подступах

Разослав в октябре заявления в университеты (Фарли Дикинсона, Монтклэр, Рутгерс, Дрю, Глассборо, Уильяма Пэтерсона и даже, в качестве одного шанса на миллион, в университет Нью-Йорка, откуда ему пришел стремительный отказ не иначе как с конным нарочным, обычная почта так быстро не работает), всю зиму Оскар таскал свою бледную несчастную задницу на подготовительные курсы в Северном Нью-Джерси; там он и влюбился. Курсы организовал один из многочисленных Учебных центров, находившийся меньше чем в миле от его дома, и Оскар ходил туда пешком – здоровый способ похудеть, полагал он. На новые знакомства он не рассчитывал, но вдруг увидел красотку в последнем ряду, и его сердце взбунтовалось. Звали девушку Ана Обрегон; хорошенькая бойкая толстушка, *гордита*, читавшая Генри Миллера в классе, вместо того чтобы биться над логическими задачами. Примерно на пятом занятии он заметил, что она читает «Сексус», и она заметила, что он заметил, и, наклонившись к нему, ткнула пальцем в абзац; у Оскара случилась эрекция, как у малолетки какого-нибудь.

– Думаешь, я чокнутая? – спросила она в перерыве.

– Нет, ты не чокнутая, – сказал он. – Поверь, я в этом эксперт.

Ана любила поговорить, у нее были прекрасные карибские глаза цвета чистого антрацита, а конкретно той тяжелой породы, что бурят доминиканские бедолаги, и фигура, на которую только взглянешь и сразу поймешь: в одежде она смотрится так же классно, как и без оной. Своих пышных форм она не стеснялась, носила черные в обтяжку брюки со штрипками, как и все девушки в их округе, и сексуальнейшее белье, какое только могла себе позволить, а еще она тщательно красилась – этот многоплановый сложный процесс неизменно завораживал Оскара. Оторва сочеталась в ней с маленькой девочкой. Еще не побывав у нее дома, Оскар уже знал, что у нее имеется целая коллекция плюшевых животных, разбросанных по кровати; то, как легко она меняла свои обличья, дало Оскару основания полагать, что и «малышка», и «оторва» – только маски и что существует некая третья Ана, надевающая то одну личину, то другую, смотря по обстоятельствам, при этом всегда оставаясь в тени, непознаваемой. В Миллера она углубилась, потому что эти книги подарил ей бывший бойфренд Мэнни, прежде чем завербоваться в армию. Он постоянно зачитывал ей отрывки из Миллера, это его так возбуждало. Они начали встречаться, когда ей было тринадцать, а ему двадцать четыре, он лечился от кокаиновой зависимости; обо всем этом Ана рассказывала как о чем-то вполне нормальном и даже обыденном.

– Тебе было тринадцать и твоя мама разрешила тебе встречаться со старпером?

– Мои родители обожали Мэнни, – ответила Ана. – Мама всегда готовила ужин специально для него.

– Весьма неортодоксально, – сказал Оскар, а позже, когда сестра приехала на очередные каникулы, спросил у нее с намерением затеять спор, позволила бы она своей дочери-подростку вступить в отношения с двадцатичетырехлетним мужчиной.

– Прежде я бы его убила.

Облегчение – вот что испытал Оскар, к своему удивлению.

– Постой-ка, в это втянут кто-то из твоих знакомых?

Он кивнул:

– Она сидит рядом со мной на подготовительных курсах. В ней есть что-то вызывающее.

Лола устремила на него свои тигровые зрачки. Она приехала на неделю, и было ясно, что университетские нагрузки выносят ей мозг; на склере ее обычно широко распахнутых глаз, как у героев комиксов манга, проступили кровеносные сосуды. Знаешь, сказала она наконец,

мы, цветные, горазды потрепать языком про то, как мы любим наших детей, но это все чушь собачья. Она резко выдохнула. На самом деле не любим. Не любим. Нет.

Он потянулся обнять ее, но она сбросила его руку движением плеча. Иди-ка лучше пресс качать. Пропотей, Мистер.

Так она называла его, когда была растрогана или обижена. Мистер. Потом она хотела выбить это слово на его могильном камне, но никто ей не позволил, даже я.

Дурак.

## **Амор ди пендехо, или Влюбленный дуралей**

Он и Ана на подготовительных курсах, он и Ана на парковке после занятий, он и Ана в «Макдоналдсе», он и Ана дружат. Каждый день Оскар ждал, что она сделает ему ручкой, и каждый день она была рядом. У них появилась привычка болтать по телефону раза два в неделю, так, ни о чем, наматывая слова вокруг повседневности; первой позвонила она, предложив отвезти Оскара на курсы; спустя неделю он позвонил ей, просто чтобы попробовать, каково это. Сердце у него билось так сильно, что ему казалось, он вот-вот умрет, но она, сняв трубку, тут же сказала: Оскар, только послушай, какую хрень выдала моя сестрица, – и понеслось; словесный небоскреб, что они возводили на пару, рос как на дрожжах. К пятому звонку он перестал ждать большого взрыва. Ана была единственной девушкой, не считая его родственниц, сообщавшей о том, что у нее месячные; однажды она сказала ему: из меня кровяшка хлещет, как из свиньи, и он долго обдумывал это ошарашивающее признание, ведь наверняка оно что-то значило, а когда он вспоминал, как она смеется, будто воздух вокруг – ее собственность, сердце его, одинокий путник, колотилось в груди. В отличие от других девушек в его тайной космологии на Ану Обрегон он запал уже после того, как более или менее узнал ее, а она его. В его жизни она возникла случайно, и, когда радар Оскара засек ее, у него уже не было времени возводить стену из всякой белиберды или обзаводиться дикими несусветными надеждами. Либо он элементарно устал за четыре года, пока его отшивали, либо наконец нашел свою гавань. Невероятно, но вместо того, чтобы повести себя как последний идиот, что было вполне ожидаемо, учитывая, что это была первая девушка, с которой ему удалось наладить общение, он не дергался, принимая все как есть. Разговаривал с нею, не впадая в заумь, без натуги и обнаружил, что его неусыпная самокритичность ей страшно нравится. Поразительно, как между ними все складывалось. Обронит он что-нибудь очевидное, обыкновенное, а она прокомментирует: Оскар, ты правда офигенно умный. Однажды она сказала, что любит мужские руки, и он, прижав к лицу растопыренные пятерни, спросил нарочито небрежным тоном: «Да ну?» Она чуть не лопнула от смеха.

Ничего определенного об их отношениях она не говорила, разве что «парень, я рада, что познакомилась с тобой».

А я рад, что познакомил себя с тобой.

Как-то вечером, когда он, слушая «Новый порядок»,<sup>20</sup> продирался сквозь «Клаев ковчег»,<sup>21</sup> в дверь его комнаты постучала сестра:

– К тебе пришли.

– Ко мне?

А то. Лола прислонилась к дверному косяку. Недавно она обрила голову налысо в стиле Шинейд, и все, включая мать, решили, что она подалась в лесбиянки.

---

<sup>20</sup> Британскую рок-группу «New Order» в 1980 году организовали участники другой группы, «Joy Division», после того как ее лидер Йен Кертис покончил с собой. Поначалу они играли все тот же трагический пост-панк, но довольно быстро переключились на более танцевальную электронную музыку.

<sup>21</sup> «Клаев ковчег» – антиутопия американской писательницы Оливии Батлер (о которой подробнее рассказано ниже).

– Здесь неплохо бы прибраться. – Лола нежно погладила его по щеке. – Сбрей эту кучерявость, ей место только на лобке.

Пришла к нему Ана. Она стояла в прихожей, вся в коже, раскрасневшаяся от холода, но выглядела ослепительно: подводка для глаз, тушь для ресниц, тон-крем, губная помада и румяна.

– Там жуткий мороз, – сказала она. Перчатки, что она сжимала в руке, напоминали помятый букет.

– Привет, – только и сумел выдавить Оскар. Он знал, что сестра наверху подслушивает.

– Что ты делаешь? – спросила Ана.

– Типа ничего.

– Тогда типа ходим в кино?

– Типа отлично, – согласился он.

Наверху сестра прыгала на его кровати, тихо завывая «свидание, свидание», потом она запрыгнула ему на спину, и они оба едва не вывалились в окно.

– У нас что, свидание? – спросил он, садясь в машину Аны.

Улыбка мелькнула на ее лице: можно и так сказать.

Ана ездила на «тойоте-крессиде», и вместо того, чтобы направиться в ближайший кинотеатр, двинула в центр, в «Эмбой Мультиплекс».

– Обожаю это место, – сказала она, пытаясь припарковать машину. – Отец водил нас сюда, когда это еще был открытый кинотеатр. Ты бывал здесь с тех пор?

Он покачал головой. Но он слышал, что отсюда часто угоняют машины.

– Эту малютку никто не угонит.

Оскару было так трудно поверить в происходящее, что он не мог воспринимать это серьезно. Пока шел фильм – «Охотник на людей», – он все ждал, что вот сейчас заявятся какие-нибудь придурки с фотокамерами и с криками «Сюрприз!» и ну щелкать их и ржать. Ого, сказал он, не желая, чтобы она забывала о его присутствии, а кино очень даже ничего. Ана кивнула; от нее пахло духами, ему незнакомыми, и, когда она прижималась к нему, жар ее тела вызывал у него головокружение.

На обратном пути Ана пожаловалась на мигрень и они ехали молча. Он попробовал включить радио, но она остановила его: не надо, башка у меня просто раскаляется. Кокаинчика? – шутливо спросил он. Нет, Оскар, спасибо. Тогда он откинулся на сиденье и уставился в окно. Мимо под бесконечными эстакадами пролетал Вудбридж, небоскребы строительной компании Хесса и прочее. Он вдруг понял, как он устал; нервозность, терзавшая его весь вечер, доконала его. Чем дольше они молчали, тем паршивее становилось у него на душе. Это просто кино, говорил он себе. Не свидание же.

Ана непонятно с чего приуныла, она все кусала нижнюю губу, пухлую, упругую, пока не перемазала зубы губной помадой. Он уже собрался сказать ей об этом, но передумал.

– Прочла что-нибудь стоящее за последнее время?

– Не-а, – ответила она. – А ты?

– Я сейчас читаю «Дюну».<sup>22</sup>

– Ага, – кивнула Ана. – Терпеть не могу эту книгу.

Они добрались до съезда на Элизабет, подлинной достопримечательности Нью-Джерси – промышленные отходы по обе стороны магистрали. Оскар перестал дышать, пытаясь уберечься от мерзких испарений, но Ана вдруг издала вопль, который вжал его в дверцу машины.

– Элизабет! – вопила она. – Сожми, на хрен, ноги!

---

<sup>22</sup> «Дюна» (1965) – один из самых известных фантастических романов и первая книга Фрэнка Герберта из цикла «Хроники Дюны», за которую он получил сразу две премии, премию Небьюла и премию Хьюго. В романе сложная фантастическая интрига переплетается с философскими, экологическими и прочими вполне серьезными проблемами.

Глянула на него, вскинула голову и рассмеялась.

Дома его поджидала сестра.

– Ну?

– Что ну?

– Ты ее трахнул?

– Господи, Лола, – покраснел он.

– Не ври мне.

– Я не из тех, кто торопит события.

Он умолк, вздохнул. Иными словами, я даже шарфа с нее не снял.

– Верится с трудом. Знаю я вас, доминиканских парней. – Лола подняла руки и начала сгибать пальцы с шутливой свирепостью. – Вы ребята хваткие.

На следующее утро он проснулся с таким ощущением, будто жир стек с него, стек в тартарары и он будто дочиста отмылся от своей беды, и сперва он долго не мог сообразить, откуда это чувство, а потом произнес вслух ее имя.

## Любовь и Оскар

Отныне они каждую неделю ходили в кино или в торговый центр. И разговаривали. Он узнал, что экс-бойфренд Мэнни лупил ее, и с этим все было не так просто, призналась она, поскольку ей нравится, когда парни грубоваты в постели; он узнал, что ее отец погиб в автокатастрофе, когда она была еще маленькой и жила в доминиканском Макорисе, а ее теперешнему отчиму глубоко плевать на нее, ну и ладно, потому что, как только она поступит в Пенсильванский университет, дома ее больше не увидят. В свою очередь он показал ей кое-что из написанного им и рассказал, как когда-то его сбила машина и он лежал в больнице, и про то, как раньше *тио* его лупил; он даже поведал ей о своей влюбленности в Марицу Чакон, и она взвизгнула: «Марица Чакон! Знаю я эту *куеро*! Господи, Оскар, по-моему, даже мой отчим с ней спал».

О да, они сблизились. Но целовались ли они в машине хотя бы раз? Лазил ли он ей под юбку? Поддевал ли пальцем ее клитор? Прижималась ли она к нему всем телом, произнося его имя охрипшим голосом? Гладил ли он ее по волосам, пока она его высасывала? Трахались ли они хотя бы раз?

Бедный Оскар. Он и не заметил, как его затянуло в омут давай-будем-друзьями, проклятие всех фанатов, упертых в свои игры. Такие отношения – любовный эквивалент игре на бирже: стоит в это влезть, и непрерывная головная боль тебе обеспечена, а что ты получишь взамен, кроме горечи и разбитого сердца, еще вопрос. Может, лучше узнаешь себя и женщин.

Но не факт.

В апреле пришли результаты второго этапа вступительных тестов (1020 по старой системе подсчета), и через неделю выяснилось, что учиться он будет в Рутгерсе в Нью-Брунsvике. Слава богу, свершилось, сказала его мать с облегчением почти оскорбительным. Не торговать мне больше карандашами, согласился он. Тебе там понравится, пообещала сестра. Знаю, что понравится. Я создан для колледжа. Что касается Аны, ее ждал Пенсильванский универ, программа подготовки к магистратуре, полная стипендия. И теперь пусть мой отчим поцелует меня в зад! В том же апреле ее экс-бойфренд Мэнни вернулся из армии, о чем Ана сообщила Оскару, когда они вместе гуляли по ТЦ «Йаоан». Внезапное появление Мэнни и радость Аны по этому поводу поколебали надежды Оскара. Он вернулся, спросил Оскар, что, навсегда? Ана кивнула. Похоже, у него опять неприятности из-за наркотиков, но на этот раз, утверждала Ана, его подставили те трое *кокало*, афроамериканцев. Словечко *кокало* Оскар услышал от нее впервые и подумал, что она цитирует Мэнни. Бедный Мэнни, сказала она.

Да уж, бедный Мэнни, пробормотал Оскар себе под нос.

Бедный Мэнни, бедная Ана, бедный Оскар. Ситуация менялась быстро. Первая потеря: теперь Ану было трудно застать дома, и сообщения Оскара оседали на ее автоответчике. Это Оскар, медведь жуёт мои ноги; пожалуйста, позвони. Это Оскар, они требуют миллион долларов, или все кончено, пожалуйста, позвони. Это Оскар, я только что засек странный метеорит, отправляюсь на разведку. Через два-три дня она перезванивала и они мило болтали, но... Потом она отменила три пятничные встречи подряд, и ему пришлось довольствоваться усеченным общением по воскресеньям после церкви. Он садился к ней в машину, и они ехали на Восточный бульвар в парк и оттуда глазели на Манхэттен, высившийся над горизонтом. Это вам не океан, не горный хребет, это куда лучше – по крайней мере, в глазах Оскара; Манхэттен вдохновлял их, и у них развязывались языки.

Во время одной из таких бесед Ана вдруг обронила:

– Господи, я и забыла, какой у Мэнни большой член.

– Мне обязательно это знать? – огрызнулся Оскар.

– Прости, – смутилась она. – Я думала, мы можем говорить обо всем.

– Было бы неплохо, если бы оценку анатомических достоинств Мэнни ты оставила при себе.

– Значит, мы не можем говорить обо всем?

Он даже не потрудился ответить.

С появлением Мэнни и его *большого члена* Оскар опять начал воображать ядерную войну: как благодаря некоему чудесному стечению обстоятельств он первым узнает о ядерной атаке и тут же без спроса сядет за руль дядиной машины, рванет в супермаркет (а может, и пристрелит парочку мародеров по пути), набьет багажник и салон доверху продуктами и двинет за Аной. Но как же Мэнни, завопит она. У нас нет времени, скажет, как отрежет, Оскар, нажмет на газ, пристрелит еще несколько мародеров (уже слегка мутировавших), а затем укроется в бункере-любовном гнездышке, где Ана не замедлит восхититься его гениальной прозорливостью и к тому времени исхудавшим телом. Когда настроение у него было получше, он позволял Ане заехать за Мэнни и найти его повесившимся на люстре – распухший фиолетовый язык, штаны, болтающиеся на лодыжках. По телевизору новости о неминуемом ядерном ударе, на груди прищипленная булавкой безграмотная записка. *Я этава ни вынису*. И Оскар утешит Ану лапидарной мудростью: он был слишком слаб для этого жестокого нового мира.

– Что, у нее есть парень? – ни с того ни с сего спросила Лола.

– Да, – ответил он.

– Уйди в тень на некоторое время.

Он послушался? Конечно, нет. Всегда к услугам Аны, когда ей хотелось поплакаться. Ему даже подвернулся – о счастье! – случай познакомиться с пресловутым Мэнни, и это было так же прикольно, как услышать «пидор» в свой адрес на школьном вечере (что действительно имело место, дважды). Они встретились у дома Аны. Мэнни – худощавый малый с мускулатурой марафонца и алчными глазами, в любой момент готовый ко всему; когда они здоровались за руку, Оскар ждал, что этот урод его ударит, настолько враждебно он сверлил его взглядом. Мэнни был почти лыс и, чтобы скрыть это, брился наголо, в ухе у него торчала серьга, одевался он в кожу, физиономия обветренная, загорелая – старый потрепанный кот, что гонится за уходящей молодостью.

– Так это ты и есть дружок Аны, – сказал Мэнни.

– Да, это я, – ответил Оскар так любезно, приветливо, что ему захотелось убить себя.

– Оскар – талантливый писатель, – вмешалась Ана. Хотя она ни разу не попросила дать почитать что-нибудь из его творений.

Мэнни хмыкнул:

– Да о чем ты можешь написать?

– Я скорее склонен к умозрительным жанрам. – Он сам понимал, как дико это прозвучало.

Хотя с умозрительным жанром он попал в самую точку. Казалось, Мэнни сейчас сделает из него бифштекс. Парень, от тебя скулы сводит, ты в курсе?

Оскар улыбался, призывая землетрясение, которое уничтожит весь Патерсон.

– Надеюсь, ты не собираешься замутить с моей девушкой, а?

– Ха-ха, – отвечал Оскар.

Ана залилась краской и уставилась себе под ноги. Короче, было весело.

С появлением Мэнни Ана открылась Оскару с иной стороны. Теперь, при том что виделись крайне редко, они говорили только о Мэнни и о том, как он ужасно обращается с Аной. Мэнни бил ее, Мэнни пинал ее, обзывал жирной сучкой, изменял ей, не сомневалась Ана, с кубинской шалавой, ученицей средней школы. Так вот почему у меня не получается познакомиться с девушкой, Мэнни всех прибрал, шутил Оскар, но Ана не смеялась. Они и десяти минут не могли пробыть вместе, чтобы Мэнни не пробибикал ей на пейджер, и всякий раз ей приходилось звонить ему и уверять, что она одна, а не с кем-нибудь. А однажды она заявила домой к Оскару с синяками на лице и в порванной блузке, и его мать сказала: я не хочу никаких неприятностей в моем доме!

Что мне делать, спрашивала Ана снова и снова, и Оскар неуклюже обнимал ее и говорил: если он так плохо к тебе относится, ты должна порвать с ним, но она качала головой: знаю, что должна, но не могу. *Я люблю* его.

*Люблю.* Оскар понимал, ему надо было освободить территорию уже тогда. Но он предпочитал дурачить себя: мол, он продолжает видеться с ней исключительно из бесстрастного антропологического интереса, желая понаблюдать, как и чем все это закончится, – когда на самом деле он просто не мог оторваться от нее. Он был окончательно и бесповоротно влюблен в Ану. То, что он прежде испытывал к девушкам, которых толком и не знал, не шло ни в какое сравнение с *амор*, переполнявшей сейчас его сердце. У этой любви была плотность карликовой, мать ее, звезды, и порою он был на сто процентов уверен, что она сведет его с ума. Похожее чувство он испытывал только к своим книгам; только любовь к тому, что он прочел, и тому, что надеялся написать, по мощи приближалась к его любви к Ане.

В любой доминиканской семье имеются истории о безумной любви, о беднягах, что восприняли любовь чересчур всерьез, и семья Оскара не была исключением.

Его покойный *абуэло*, дедушка, уперся рогом (во что именно, никто не уточнял) и окончил свои дни в тюрьме, где сперва рехнулся, а потом умер; его *абуэла* Крошка Инка потеряла мужа спустя полгода после свадьбы. Он утонул на Святой неделе, и больше она замуж не вышла, не прикоснулась ни к одному мужчине. Оскар не раз слышал, как она говорила: погоди чуток, и мы опять будем вместе.

Твоя мать, шепнула ему однажды *тия* Рубелка, умом тронулась, когда влюбилась. Она едва не погибла.

И теперь, похоже, настал черед Оскара. *Добро пожаловать в семью.* Ему приснилось, будто сестра встретила его такими словами. *В твою настоящую семью.*

Ясно же, с ним происходит то же самое, но что он мог поделать? Куда денешься от чувств? Началась ли у него бессонница? Да. Утратил ли он способность сосредотачиваться на важных для него вещах? Да. Прекратил ли он читать Андре Нортон<sup>23</sup> и даже потерял ли интерес в заключительным выпускам «Хранителей»,<sup>24</sup> где события развивались самым скандальным образом? Да. Начал ли он брать дядину машину для долгих поездок на побережье в Сэнди-

---

<sup>23</sup> Андре Нортон (Элис Мэри Нортон, 1912–2005) – гранд-дама фантастики и фэнтези, лауреат более чем 20 премий.

<sup>24</sup> Классический графический роман Алана Мура, который газета «Тайм» поставила в один ряд с «Войной и миром» Льва Толстого.



Хук, куда мать возила его, пока не заболела и пока Оскар еще не был слишком толстым, чтобы в конце концов вовсе покончить с пляжами? Да. Похудел ли он от своей юной неразделенной любви? Увы, этот признак высоких чувств, и лишь он один, как раз и отсутствовал, и Оскар, хоть убейте, не мог понять почему. Когда Лола порвала со своим боксером, «золотыми перчатками», она сбросила почти десять кило. Что за генетическая дискриминация, выпавшая на долю Оскара не иначе по причине Господней халатности?

С ним стали происходить странные вещи. Однажды он вырубился, переходя улицу на перекрестке, и очнулся в окружении команды регбистов. В другой раз Мигз решил посмеяться над ним и давай язвить насчет его притязания сочинять сценарии для ролевых игр, имевшего печальную историю: «Фэнтези Игры», компания с неограниченной ответственностью, для которой Оскар собирался писать и куда отправил одно из своих произведений «иноного мира», недавно закрылась, развеяв упования Оскара стать новым Гэри Гайгэксом.<sup>25</sup> Так, сказал Мигз, похоже, с этим у тебя облом, и впервые за все время их знакомства Оскар вышел из себя: не говоря ни слова, он набросился на Мигза, и вдобавок с такой злостью, что друган плевался кровью.

– Блин! – воскликнул Эл. – Расслабьтесь!

– Я не хотел, – неубедительно оправдывался Оскар. – Это просто несчастный случай.

– Мудиво, – прошепелявил Мигз. – Мудиво!

Оскар дошел до такого отчаяния, что однажды вечером, после того как Ана долго плакала по телефону из-за очередной мерзкой выходки Мэнни, он сказал, что идет в церковь, положил трубку, пошел в комнату дяди (Рудольфо был в стриптиз-баре) и стащил его антикварный «вирджинский драгун», весь из себя овеванный легендами кольт 44-го калибра, которым еще индейцев пропалывали, тяжелый, как беда, и такой же уродливый. Сунув впечатляющий ствол револьвера за пояс, он направился к многоквартирному дому, где жил Мэнни, и простоял там всю ночь. Алюминиевая обшивка на стенах стала ему как родная. Ну где же ты, сволочь, шептал Оскар. У меня для тебя симпатичная девчушка одиннадцати лет. Он не думал ни о том, что его посадят на веки вечные, ни о том, что в тюрьме таких лохов, как он, имеют в зад и в рот, ни о том, что если копы заметят его и найдут у него оружие, то дядю снова упрячут за решетку за нарушение условий досрочного освобождения. Он ни о чем не думал вообще. В голове у него было пусто, совершенный вакуум. Перед глазами промелькнуло его писательское будущее: до сих пор он написал только один фиговый роман о голодном призраке, что охотится на компанию друзей в маленьком австралийском городке; шанс создать что-нибудь получше ему больше не светит – конец карьере. К счастью для американской литературы, Мэнни в ту ночь не пришел домой.

Оскар не мог толком объяснить свое состояние. Дело было не только в том, что в Ане он видел свой единственный гребанный шанс на счастье, – в чем он нисколько не сомневался, – но еще и в том, что за свои несчастные восемнадцать лет он не переживал ничего, хотя бы близко похожего на чувства к этой девушке. Я так долго ждал любви, написал он сестре. Сколько раз мне приходила в голову мысль, что *со мной такого никогда не случится*. (Когда в «Роботек. Сага Макросса»,<sup>26</sup> занимавшем вторую строчку в списке его самых любимых мультсериалов, Рич Хантер наконец соединился с Лисой, Оскар рухнул на колени перед телевизором и разрыдался. Я уж подумал, президента убили, крикнул ему *тио* Рудольфо из дальней комнаты, где втихаря занюхивал сами знаете что.) Я словно откусил от небес, писал он сестре. Ты и представить себе не можешь, каково это.

---

<sup>25</sup> Эрнест Гэри Гайгэкс (1938–2008) – отец ролевых игр, писатель и разработчик первых ролевых игр, в частности, самой известной, «Подземелья и драконы».

<sup>26</sup> Научно-фантастический аниме-сериал: на Землю падает инопланетный космический корабль, который люди назовут «Макросс»; следом являются сами инопланетяне, но не хозяева корабля, а их злейшие враги, по которым пушка «Макросса» автоматически стреляет, начиная тем самым войну землян и инопланетных гигантов.

Два дня спустя, когда сестра приехала на постирушку, он не выдержал и рассказал ей об эпизоде с револьвером, – она ошалела. Заставила с ней вместе встать на колени перед домашним алтарем, который соорудила в память о покойном *абуэло*, и вынудила Оскара поклясться бессмертной душой их матери, что он больше никогда в жизни не сотворит ничего подобного. Лола даже плакала, так ей было страшно за него.

Нужно прекратить это, Мистер.

Знаю, ответил он. Но я даже не знаю, что я должен прекратить, понимаешь?

В ту ночь они с сестрой заснули на диване, она первая. Лола только что рассталась со своим бойфрендом примерно в десятый раз, и даже Оскар, несмотря на свои переживания, понимал, что они опять сойдутся, и очень скоро. На рассвете ему приснились девушки, которых у него никогда не было, они стояли ряд за рядом, несметным числом, словно запасные тела чудо-людей из комикса Алана Мура.<sup>27</sup> *Ты можешь это сделать*, говорили они.

Он проснулся в холодном поту с пересохшим горлом.

Они встретились в японском ТЦ на Эджуотер-роуд, «Йаоане», на который Оскар наткнулся в одну из своих одиноких унылых поездок. Этот торговый центр он считал отныне их местом, из тех, что запоминаются на всю жизнь. Там он покупал кассеты с аниме и сборные фигурки персонажей из комиксов. Оба заказали курицу карри и сели в просторном кафетерии с видом на Манхэттен, единственные неяпонцы, «пришельцы», во всем заведении.

– У тебя красивая грудь, – сказал он в качестве вступления.

Смушение, испуг. Оскар, что с тобой?

Он смотрел сквозь стекло на западную оконечность Манхэттена, смотрел, как самый последний лох. Потом он сказал ей.

Она не удивилась. Взгляд ее смягчился, она положила ладонь на его руку, со скрипом придвинула стул к нему поближе, в зубах у нее застряло что-то желтое.

– Оскар, – нежно сказала она, – у меня есть парень.

Она отвезла его домой; у порога он поблагодарил ее за потраченное на него время, зашел в дом и лег в постель.

В июне он закончил школу Дона Боско. Хороши же они были на выпускной церемонии: похудевшая, осунувшаяся мать (рак скоро заберет ее), Рудольфо, осоловевший от наркоты, и только Лола выглядела как надо, сияющей, счастливой. Победа, Мистер, победа. Он слышал краем уха, что из всех его ровесников в их районе Патерсона только он и Ольга – несчастная чокнутая Ольга Поланко – не были ни на одном выпускном балу, им не нашлось пары. Чувак, съехидничал Мигз, по-моему, ты просто обязан пригласить *ее*.

В сентябре он отправился в Нью-Брунсвик учиться в Рутгерсе, на прощанье мать подарила ему сто долларов и первый поцелуй за пять лет; дядя – упаковку презервативов. Опробуй их все, сказал он и добавил: на девушках. Поначалу в колледже Оскар пребывал в эйфории: он был один, свободен от всего, сам себе, черт побери, хозяин, да еще с оптимистичной надеждой найти среди этих тысяч молодых людей кого-нибудь похожего на него. Увы, этого не случилось. Белые ребята, увидев его темную кожу и африканские кудри, общались с ним с бесчеловечной приветливостью. Цветные ребята, услышав, как он говорит, и посмотрев, как он двигается, качали головами: ты не доминиканец. И он твердил снова и снова: но это не так. *Сой доминикано. Доминикано сой*. После череды бурных вечеринок, не запомнившихся ничем, кроме эпизода с пьяными белыми, пристававшими к нему, и начала занятий по десятку предметов, где ни одна девушка не взглянула на него, его оптимизм увял и, сам не ведая как, он замкнулся в версии существования, освоенного им еще в школе: ни подружки, ни секса, хотя бы разо-

---

<sup>27</sup> Алан Мур (р. 1953) – английский писатель, один из самых известных авторов комиксов, ему принадлежат классические уже «Хранители» и «V значит вендетта».

вого. Счастливые моменты были связаны исключительно с любимым жанром, например, когда в 88-м на экраны вышел «Акира».<sup>28</sup> Грустно, чего уж там. Дважды в неделю он ужинал с сестрой в столовой ее колледжа Дугласа; Лола была большим человеком в кампусе, знала почти всех с любым оттенком кожи, участвовала во всех протестах и маршах, но и это не помогло Оскару. За ужином она давала ему советы, и он покорно кивал, а расставшись с сестрой, сидел на остановке студенческого автобуса, пялился на всех симпатичных девушек Дугласа и спрашивал себя, с какого момента его жизнь пошла наперекосяк. Хотелось бы ему свалить вину на книги, научную фантастику, но не получалось – он любил их слишком сильно. Вопреки урокам избавиться от фанатских привычек, он по-прежнему много ел, по-прежнему не делал зарядку, употреблял НФ-жаргон, внятный только посвященным, и спустя два семестра, не имея иных друзей, кроме сестры, он вступил в университетскую организацию «Игроки УР», члены которой собирались в подвальных аудиториях Фрелингхайзена и похвалялись тем, как высоко они ставят мужскую дружбу. Он-то думал, что в колледже дела у него пойдут получше, – в том, что касается девушек, – но в первые годы эти надежды не оправдались.

---

<sup>28</sup> В 1988 году мэтр манги Кацухиро Отомо переложил свою знаменитую мангу «Акира» на экран, практически сразу застолбив себе место в ряду классиков японской анимации. Акира – двадцать восьмой ребенок, участвовавший в эксперименте японского правительства по выявлению и развитию психокинетических способностей. Способности Акиры достигают такой силы, что он разносит на атомы исследовательский центр, а вместе с ним и добрую половину Токио, инспирируя тем самым Третью мировую войну.

## Два В дремучем лесу 1982–1985

Когда наша жизнь круто меняется, это всегда происходит не так, как мы себе представляли, но совершенно по-другому.

*Вот как все начинается: мать зовет тебя из ванной. И ты на всю жизнь запомнишь, что ты делала в тот самый момент: читала «Обитателей холмов»<sup>29</sup> – кролики с крольчихами бегут к лодке, спасаясь от фермеров, – и ты не хотела прерываться, завтра книгу надо отдать брату, но мать зовет опять, уже громче, тоном «я не шучу, мерзавка», и ты сердито бормочешь: си, сеньора.*

*Она стоит перед зеркалом шкафчика, где хранятся лекарства, голая по пояс, лифчик болтается на талии, словно спущенный парус, на спине рубец, широкий и волнистый, как море. Ты хочешь вернуться к книжке, притвориться, будто не слышала ее, но поздно. Ее глаза впиваются в тебя, огромные дымчатые глаза, такими же скоро станут и твои. Бен ака, подойди, командует она. Она разглядывает свою грудь с беспокойством. У матери огромнейшие груди. Одно из чудес света. Большие ты видела только в журналах с голыми девушками и у очень жирных тетенок. Размер G, помноженный на три, соски, как блюдца, и черные, как смола, а по краям торчат волосы, которые мать иногда выдергивает, а иногда нет. Эти груди всегда смущали тебя, и, когда ты идешь по улице с матерью, ты всегда помнишь о них. Мать гордилась своим лицом, волосами и грудью. Твой отец не мог насытиться моими бомбами, хвасталась она. Но, учитывая, что он сбегал от матери на четвертом году их брака, похоже, таки насытился.*

*Ты боишься общения с матерью. Это всегда односторонняя ругань. Предполагаешь, что она зовет тебя, чтобы задать очередную выволочку касательно твоей диеты. Мать считает, что тебе нужно есть поменьше бананов, иначе твои внешние данные вмиг обретут сходство с железнодорожной катастрофой. Даже в том возрасте все, глядя на тебя, говорили: мамина дочка. В двенадцать лет ты была такой же высокой, как мать, длинной голенастой девочкой-птичкой. У тебя были ее зеленые глаза (правда, немного светлее) и такие же прямые волосы, отчего ты больше походила на индуску, чем на доминиканку, и попка, которую мальчики не уставали обсуждать начиная с пятого класса и чьей привлекательности для окружающих ты пока не понимала. Темным цветом лица ты тоже пошла в мать. Но, невзирая на все одинаковости, волна наследственности пока не добралась до твоей груди. У тебя пока лишь намек на грудь; с какой стороны ни посмотри, ты плоская как доска, и ты прикидываешь про себя, не прикажет ли мать снова отказаться от лифчиков, потому что они гнобят твои потенциальные груди, мешают им вылупиться из тебя. Ты готовишься к отчаянному сопротивлению, ведь лифчики – это твое личное достояние, как и прокладки, которые ты теперь покупаешь сама.*

*Но нет, мать ни слова не говорит о бананах. Молча она берет тебя за руку и подводит ее к своей груди. Мать груба во всех своих проявлениях, но сейчас она держит твою руку почти нежно. Ты и не думала, что она на такое способна.*

*Чувствуешь? Голос у нее, как обычно, раздраженный.*

---

<sup>29</sup> «Обитатели холмов» – фэнтези-роман британского писателя Ричарда Адамса о невероятных приключениях героических кроликов. Роман родился из сказок, которые писатель рассказывал своим детям.

*Сперва ты чувствуешь только жар ее тела и плотность тканей, они как хлеб, что не перестает подниматься. Мать вминает твои пальцы в себя. Так близко к ней ты еще никогда не была, и ты слышишь свое дыхание.*

*Неужели не чувствуешь?*

*Она поворачивается к тебе. Коньо, мучача, блин, девочка, кончай пялиться на меня, щупай.*

*Ты закрываешь глаза и вспоминаешь о суффражистке Хелен Келлер, о том, как в детстве ты хотела быть похожей на нее, только менее монашенкой с виду, и вдруг совершенно неожиданно ты что-то чувствуешь. Узелок под кожей, крепкий и потайной, как заговор. И в этот момент по причинам, которые до конца ты так никогда и не поймешь, тебя охватывает ощущение, предчувствие, что твоя жизнь очень скоро и во многом изменится. У тебя плывет голова, и ты чувствуешь, как пульсирует твоя кровь в четком ритме барабанной дроби. Вспышки света проносятся сквозь тебя, как фотонные торпеды, как кометы. Ты не понимаешь, почему и откуда у тебя эта уверенность, но ты знаешь, что так оно и будет. Ты вне себя от счастья. Ты всегда была немного бруха, ведьмой, даже твоя мать признавала это, пусть и сквозь зубы. Иха ди Либорио, «дитя Либорио» назвала она тебя, когда ты под- сказала своей тете цифры в лотерее и они выиграли, и ты решила, что Либорио – кто-то из родственников. Но тогда ты еще не ездила в Санто-Доминго и не знала, что этого древнего целителя почитают там как святого.*

*Чувствую, говоришь ты чересчур громко. Ло съенто.*

*Вот так все и меняется. Еще зима не кончилась, а доктора уже отрезали те груди, что ты мяла, будто тесто, а заодно удалили и лимфоузел. Из-за операции матери трудно поднимать левую руку. У нее выпадают волосы, и однажды она сама выдирает их и складывает в пластиковый пакет. Ты тоже меняешься. Не сразу, но неуклонно. И надо же, где все началось! В ванной! Ты началась.*

Панкушка. Вот кем я стала. Панкушкой, обожающей *Siouxsie and the Banshees*.<sup>30</sup> Пуэрто-риканские ребята в нашем квартале каждый раз смеялись до упаду над моим причесом, дразнили меня Блакулой<sup>31</sup> и черномазой; они не знали, как реагировать, и часто попросту орали вслед: йо, дьяволица гребаная, йо, йо! Тетя Рубелка считала, что у меня какое-то психическое заболевание. Доченька, говорила она, жаря пирожки, может, тебе нужна *помощь*. Но с матерью было куда хуже. Это последняя капля, орала она. Но у нее все было последней каплей. По утрам, когда я спускалась на кухню, где мать варила себе кофе в кофеварке и слушала радио на испанском, она, увидев меня, снова принималась беситься, словно за ночь успевала забыть, как я выгляжу. Моя мать была одной из самых высоких женщин в Патерсоне, и гнев ее тоже был великаньим. Он вцеплялся в тебя длинными руками, и, если обнаружишь хоть чуть-чуть слабину, тебе конец. *Ке мучача тан феа*, до чего же уродливая деваха, злилась мать, выплескивая остатки кофе в раковину. *Феа*, уродина, стало моим новым именем. Впрочем, не совсем новым. Мать постоянно обзывала нас. Ее бы никогда не выбрали «матерью года», уж поверьте. На самом деле она была «отсутствующим» родителем: если не на работе, то спит, а когда просыпалась, казалось, она только и делала, что орала и раздавала оплеухи. В детстве мы с Оскаром боялись ее больше, чем темноты или буки. Она могла ударить нас где угодно, в присутствии

---

<sup>30</sup> *Siouxsie and the Banshees* – английская рок-группа, оказавшая немалое влияние на рок-музыку начиная с 1980-х годов. Образовавшись как панк-группа, она постепенно дрейфовала в сторону музыки куда более сложной и рафинированной. Их меланхоличные, таинственные, драматичные песни очень близки подросткам, жаждущим душераздирающего сюрреализма.

<sup>31</sup> Блакула – герой одноименного фильма (1972, режиссер Уильям Крейн). В замок графа Дракулы пожаловал черный принц, которого расист Дракула тут же заточил в гроб, попутно наложив на него свое вампирское проклятие и дав имя – Блакула. Через пару веков черный вампир выберется из гроба и примется наводить ужас на всех вокруг. Этот совершенно бредовый и истерически смешной фильм – яркий представитель феномена «blaxploitation cinema», расцветшего пышным цветом в Америке 1970-х.

других людей, лупила, не стесняясь, ремнем и шлепанцем, но рак поубавил ей сил. Последний раз, когда она попыталась наброситься на меня, поводом послужила моя прическа, но вместо того, чтобы съезжиться или сбежать, я двинула ей кулаком по руке – скорее рефлекторно, но раз уж двинула, я уже не могла повернуть вспять, ни за что, и опять сжала кулаки в ожидании повторных наскоков. А вдруг она пустит в ход зубы и укусит меня, как укусила ту женщину в супермаркете. Но она лишь стояла в дурацком парике и дурацком халате, с двумя громадными поролоновыми протезами в лифчике, ее трясло, и запах горящих искусственных волос витал над нами. Мне было ее почти жалко. Так вот как ты обращаешься с матерью! – вскрикнула она. И если бы я могла, я бы высказала ей все, что у меня накопилось, прямо в лицо, но я только рявкнула в ответ: так вот как ты обращаешься с дочерью!

Боевали мы целый год. Да и могло ли быть иначе? Она была старорежимной доминиканской матерью, я – ее единственной дочкой, которую она вырастила одна, без чьей-либо помощи, и это означало, что ее долг – постоянно прижимать меня к ногтю. Мне было четырнадцать, и я жаждала обрести свой личный кусок мира, где ей не нашлось бы места. Я мечтала о жизни, как в сериале «Большая голубая жемчужина», что я смотрела в детстве, – сериале, побудившем меня заводить друзей по переписке и приносить домой школьные атласы. О жизни, что существовала за пределами Патерсона, за пределами моей семьи, за пределами испанского языка. И, когда мать заболела, я поняла, что у меня появился шанс, и я не собираюсь ни лицемерить, ни извиняться – я ухватила за этот шанс. Если вы росли не в такой семье, как моя, то вы не в курсе, а если вы не в курсе, то, вероятно, вам не стоит судить меня. Вы и понятия не имеете, сколь крепко держат нас за шкурку наши матери, даже те, кого никогда не бывает дома, – *особенно* они. Не знаете, каково это – быть идеальной доминиканской дочерью, или, проще говоря, идеальной доминиканской рабыней. Вы не знаете, что такое мать, за всю жизнь не сказавшая ничего хорошего ни о своих детях, ни об окружающем мире; вечно подозрительная, она то и дело топчет тебя и разбивает твои мечты в пух и прах. Когда Томоко, моя подруга по переписке, на третьем письме прекратила мне отвечать, мать откровенно веселилась: а ты уже вообразила, что кто-то будет тратить время на переписку с тобой? Конечно, я плакала; мне было восемь, и у меня уже созрел план: Томоко и ее родители удочерят меня. А мать, конечно, видела меня насквозь и догадывалась, о чем я мечтаю, поэтому и смеялась. Я бы тоже не стала тебе писать, сказала она. Она была той матерью, что заставляет ребенка сомневаться в себе, и дай ей волю, она бы уничтожила твою личность. Но и приукрашивать свои подвиги я тоже не собираюсь. Очень долго я позволяла ей говорить все что в голову взбредет, и хуже того, очень долго я ей верила. Я была *феа*, уродиной, я была никчемной, я была *идиота*. Я верила ей с двух до тринадцати лет, и, пока я ей верила, я была идеальной дочерью. Готовила, убирала, стирала, покупала продукты, писала письма в банк с объяснениями, почему мы опаздываем с выплатами за дом, служила переводчиком. В классе я училась лучше всех. Со мной не было хлопот, даже когда черные девчонки гонялись за мной с ножницами: мои невероятно прямые волосы были им поперек горла. Я сидела дома и следила, чтобы Оскар поел и чтобы в целом был порядок, пока мать работала. Я растила брата и растила себя. Все было на мне. Та к полагается, так заведено, говорила мать, ты ведь моя дочь. Мне было восемь, когда случилось то, что случилось, и в конце концов я рассказала ей, что он со мной сделал; она велела мне заткнуться и прекратить реветь, и я в точности исполнила приказ: заткнулась, стиснула ноги и чувства и уже через год не смогла бы описать, как выглядел тот сосед, или припомнить, как его звали. Тебе бы только жаловаться, говорила мать, хотя ты и знать не знаешь, что такое жизнь на самом деле. *Си, сеньора*. Я поверила ей, когда в шестом классе она разрешила мне пойти в поход с ночевкой на Медвежью гору; я купила рюкзак на свои деньги, заработанные на доставке газет, и принялась писать записки Бобби Сантосу, потому что он грозился вломиться в мою палатку и поцеловать меня на глазах у всех, но утром того дня, когда мы должны были отправиться, мать заявила, что я никуда не еду. Но ты же обещала, сказала я. *Мучача дель*

*диабло*, ответила она, дьявольское ты отродье, ничего я не обещала. Я не швырнула в нее рюкзак и не выплакала себе глаза, а когда узнала, что в итоге вместо меня с Бобби Сантосом целовалась Лора Саенц, я тоже промолчала. Просто лежала в своей комнате с дурацким плюшевым медвежонком в обнимку и тихонько пела, воображая, как убегу из дома, когда вырасту. Куда убегу? В Японию, наверное, где разыщу Томоко, или в Австрию, где мое пение вдохновит продюсеров на римейк «Звуков музыки». <sup>32</sup> Все мои любимые книги той поры были про побег. «Обитатели холмов», «Невероятное путешествие», «Моя сторона горы», <sup>33</sup> а когда Бон Джови спел «Беглеца», <sup>34</sup> мне казалось, что эта песня про меня. Никто и не подозревал, что творится в моей голове. Я была самой высокой и самой пришибленной девочкой в классе, той, что каждый Хэллоуин наряжается Чудо-женщиной из комиксов и никогда «не выступает». Люди видели меня в очках, в одежде с чужого плеча и не представляли, на что я способна. И когда в двенадцать лет я испытала то пугающее колдовское предчувствие, а моя мать почти сразу же попала в больницу, лихость, что таилась во мне всегда и которую я задавливала домашними обязанностями, уроками и перспективой делать все, что захочу, когда поступлю в колледж, эта дикая лихость вырвалась наружу. Я не могла ей сопротивляться. Пыталась обуздать, но она находила лазейки. И ощущалась не столько как внутреннее состояние, сколько как послание, гулкое, призывное, – так звонит колокол: стань другой, стань другой, другой.

Перемена произошла не за одну ночь. Да, лихость жила во мне, да, она заставила мое сердце биться быстрее, да, она плясала вокруг меня, когда я шла по улице, и с ее подачи я научилась смотреть парням прямо в лицо, когда они пялились на меня, и да, по ее милости мой смех из вежливого покашливания превратился в затяжную горячку, но мне все еще было страшно. Как я могу перестать существовать? Я была дочерью своей матери. Хватка, с какой она меня держала, была сильнее, чем любовь. И вдруг... Однажды я шла домой с Карен Сипеда, моей тогдашней как бы подружкой. Карен подалась в готы, и у нее отлично получалось: она лохматила волосы а-ля Роберт Смит, <sup>35</sup> одевалась только в черное, а цветом лица смахивала на привидение. Идти с ней рядом по улицам Патерсона было все равно что прогуливаться с бородатой женщиной. Все пялились, и это пугало; наверное, страх и послужил причиной.

Мы топали по Главной улице, все лупили на нас глаза, и вдруг, ни с того ни с сего, я сказала: Карен, отрежь мне волосы. Стоило мне это произнести, как меня захлестнуло знакомое чувство – кровь заклокотала в моих жилах. Карен приподняла бровь: а что скажет твоя мама? Понимаете, не только я, все боялись Белисии де Леон.

Да хер с ней, ответила я.

Карен посмотрела на меня как на дурочку – прежде я никогда не ругалась, но вместе со мной менялась моя речь. На следующий день мы заперлись у нее в ванной; внизу, в гостиной, орали ее отец с дядями – по телику показывали футбольный матч. Я долго смотрела на девочку в зеркале и чувствовала лишь одно: я больше не хочу ее видеть, никогда. Я вложила ножницы в ладонь Карен и водила ее рукой до тех пор, пока мы не закончили.

– Выходит, ты теперь панк? – неуверенно спросила Карен.

– Да, – сказала я.

Еще через день мать швырнула в меня париком. Будешь это носить. Будешь носить каждый день. И если я увижу тебя без парика, убью!

<sup>32</sup> «Звуки музыки» – мюзикл, экранизированный в 1965 году Робертом Уайзом, с Джули Эндрюс в главной роли, действие развивается в австрийском Зальцбурге.

<sup>33</sup> «Невероятное путешествие» (1904) – научно-фантастическая и очень изобретательная комедия Жоржа Мельеса по мотивам книг Жюль Верна. «Моя сторона горы» – приключенческий фильм (1969, режиссер Джеймс Б. Кларк) о 13-м Сэме, который, обидевшись на родителей и под влиянием прочитанной книги Генри Торо «Уолден, или Жизнь в лесу», решает удалиться от цивилизации, жить в одиночестве, слившись с природой.

<sup>34</sup> «Беглец» – первый хит Джона Бон Джови и его группы, песня о девчонке-подростке, которую не понимает весь мир.

<sup>35</sup> Роберт Смит – рок-музыкант, лидер группы *The Cure*, помимо замечательных песен известный своей прической – торчащими во все стороны прямыми волосами.

Не говоря ни слова, я поднесла парик к горелке.

Прекрати, взвилась мать, когда над горелкой поднялось пламя. Не смей...

Парик вспыхнул, как бензин, как глупая надежда, и не швырни я его в раковину, мне опалило бы руку. Вонючка стояла жуткая, все химикалии на всех заводах в Элизабет и те не так смердят.

Тогда это и случилось: она влепила мне пощечину, а я ударила ее по руке, и она отдернула руку, словно обжегшись.

Разумеется, все сочли, что хуже меня дочери нет. Тетка и соседи в один голос твердили: *иха*, она – твоя мать, она умирает; но я не слушала. Когда я остановила ее руку, передо мной распахнулась дверь. Я вошла в нее, и назад ходу уже не было.

Боже, как мы бились! Больная или нет, умирающая или нет, моя мать не собиралась легко сдаваться. Чем-чем, а тряпкой она не была. Я видела, как она била взрослых мужчин, отпихивала белых полицейских, так что они падали на задницы, руганью и проклятьями затыкала рты целой кучке скандалистов. Она растила меня и брата одна, работала на трех работах, пока не скопила на дом, в котором мы живем, выстояла, когда ее бросил муж, одна приехала в Америку, никого здесь не зная, а однажды в юности, рассказывала она, ее избили, подожгли и бросили умирать. Отпустить меня без боя? Как же. Говнючка, за модой погналась? – говорила она. Думаешь, ты вся из себя, но ты – *нада*, ничтожество. Она глубоко копала, выискивая мои слабые места, но я не поддавалась. Ну уж нет. Чувство, что моя жизнь ждет меня на другом берегу, делало меня бесстрашной. Когда она выбрасывала мои плакаты с группами *The Smiths* и *The Sisters Of Mercy*<sup>36</sup> – *аки йо но кьеро марикунес*, я не потерплю здесь пидоров, – я покупала новые такие же. Когда она пригрозила изорвать мои новые шмотки, я стала хранить их в школьном шкафчике и дома у Карен. Она велела мне уволиться из греческого кафе, и я сказала хозяину, что из-за химиотерапии у моей матери мутится в голове, и когда она позвонила предупредить, что я больше не выйду на работу, он просто передал трубку мне, а потом смущенно поглядывал на посетителей, пока я ругалась с ней по телефону. Когда она сменила замки, не дав мне ключей, – я начала возвращаться домой поздно, тусовалась в клубе «Лаймлайт», ведь хотя мне было всего четырнадцать, но выглядела я на двадцать пять, – я стучалась в окно Оскара и он впускал меня, трясясь от страха, потому что утром мать принималась метаться по дому с воплями: кто, черт побери, впустил эту *иха де ла гран пута*, эту сукину дочь, проститутку? Кто? Кто? И Оскар, сидя за столом, накрытым для завтрака, бормотал, заикаясь: не знаю, *мами*, не знаю.

Ее яростью, как застоявшимся табачным дымом, пропах весь дом. Эта ярость пропитала наши волосы и нашу еду, она была сродни радиоактивным осадкам, о которых нам рассказывали в школе, тем, что падают мягко, словно снег. Брат не знал, как ему себя вести. Он прятался у себя в комнате, но иногда неуклюже пытался выяснить у меня, что происходит. Ничего. Лола, мне ты можешь сказать, спрашивал он, а я лишь смеялась в ответ. Тебе нужно похудеть, говорила я.

К матери я старалась не приближаться. По большей части она только смотрела на меня ненавидящим, ядовитым взглядом, но, случалось, внезапно хватала меня за горло и держала, пока я не отцеплю ее пальцы от моей шеи. Если она и обращалась ко мне, то лишь со смертельными угрозами. Когда ты повзрослеешь, я подкараулю тебя в темной аллее и убью, и никто не узнает, что это я сделала! Она буквально смаковала эту идею.

Сумасшедшая, говорила я.

---

<sup>36</sup> Британские рок-группы *The Smiths* и *The Sisters Of Mercy* – одни из самых важных альтернативных рок-групп 1980-х. Если *The Sisters Of Mercy* во главе со своим лидером Моррисси во многом сформировали брит-поп, то «Сестры милосердия» ответственны за появление готического рока.



На себя посмотри, а меня не трогай! – кричала мать, а потом опускалась на стул, чтобы отдышаться.

Все было плохо, но никто не мог предположить, что случится потом. Хотя, если подумать, это было очевидно.

Всю жизнь я твердила себе, что однажды я просто исчезну.

И однажды я исчезла.

Я сбежала из-за парня, как бы.

Ну что о нем сказать? Он был таким же, как все молодые ребята, красивым зеленым юнцом, и, как насекомое, не мог усидеть на месте. *Ун бланкито*, бледнолицый с длинными волосатыми ногами, я познакомилась с ним в «Лаймлайте».

Звали его Альдо.

Лет ему было девятнадцать, и жил он на побережье вместе со своим семидесятичетырехлетним отцом. На заднем сиденье его «олдсмобилия» я задрала свою кожаную юбку, приспустила чулки в сеточку, и мною заблагоухала вся машина. Это было наше первое свидание. Я училась в предпоследнем классе, и той весной мы писали и звонили друг другу по меньшей мере раз в сутки. Я даже ездила к нему в Уайлвуд с Карен (у нее были права, а у меня нет). Он жил и работал рядом с пляжем, один из троих парней, обслуживавших электромобили на аттракционах, единственный без татуировок. Останься, сказал он мне в тот вечер (Карен брела по пляжу далеко впереди нас). Где я буду жить? – спросила я, и он улыбнулся: со мной. Не сочиняй, сказала я, но он, отвернувшись, смотрел на прилив. Я хочу, чтобы ты осталась, и голос его звучал очень серьезно.

Он три раза просил меня об этом. Я подсчитала.

Летом мой брат объявил, что намерен посвятить свою жизнь созданию ролевых игр, а мать пыталась совмещать две работы впервые после операции. Хорошего в этом было мало. Мать приходила домой измученная, и поскольку я больше не помогала по хозяйству, у нас царил полный бардак. Порою по выходным заглядывала тетя Рубелка, готовила что-нибудь, убирала и отчитывала нас с Оскаром, но у нее была своя семья, и в основном мы жили сами по себе. Приезжай, сказал Альдо по телефону. Потом в августе Карен уехала учиться в Слипери-Рок. Школу она закончила на год раньше меня. Если я больше никогда не увижу Патерсон, я это как-нибудь переживу, сказала она перед отъездом. В сентябре, в первые две недели учебы, я шесть раз прогуляла уроки. Я просто не могла ходить в школу. Ноги не несли меня туда. Вдобавок на тот момент я читала «Источник» Айн Рэнд и воображала себя не Доминик, а Говардом Рорком,<sup>37</sup> и это не шло мне на пользу. Я бы и дальше пребывала в этом вялом состоянии, в подспудном и отчаянном страхе совершить рывок, но в конце концов произошло то, чего мы все ожидали. За ужином мать объявила ровным тоном: послушайте, вы оба, что я вам скажу. Врач снова посылает меня на обследование.

Оскар, казалось, вот-вот заплачет. Он опустил голову. А какова же была моя реакция? Я взглянула на мать и сказала: передай мне соль, пожалуйста.

Сейчас я уже не обижаюсь на мать за то, что она ударила меня по лицу, но тогда эта пощечина оказала мне огромную услугу. Мы набросились друг на друга, перевернули стол, мясная похлебка растеклась по полу, Оскар забился в угол, хныча: прекратите, прекратите, прекратите!

*Иха де ту мальдита мадре*, за что мне, несчастной, такая дочь, орала она. И я сказала: надеюсь, на этот раз ты умрешь.

---

<sup>37</sup> «Источник» Айн Рэнд – один из самых известных американских романов, его герой Говард Рорк – архитектор и представитель крайне индивидуалистических взглядов, считающий, что лишь творчество двигает мир вперед, Доминик – надменная светская красавица, с которой Рорка связывают сложные отношения.

На несколько дней дом превратился в зону боевых действий; затем в пятницу она выпустила меня из моей комнаты, разрешила сесть рядом с ней на диван и посмотреть сериал. Она ждала результатов анализов крови, но никто бы не догадался, что ее жизнь висит на волоске. Мать смотрела телевизор так, словно это было для нее сейчас самым главным, и стоило кому-нибудь из персонажей сподличать, как она всплескивала руками. Ее нужно остановить! Неужели они не понимают, что эта тварь задумала?

– Ненавижу тебя, – сказала я очень спокойно, но она не услышала.

– Принеси мне воды, – попросила она. – И положи в стакан кубик льда.

Это последнее, что я для нее сделала. Следующим утром я уже ехала в автобусе на побережье. Одна сумка, две сотни долларов, заработанных на чаевых, старый нож дяди Рудольфо. Мне было страшно. Я не могла унять дрожь. Всю дорогу мне чудилось, что небеса вот-вот разверзнутся, оттуда появится моя мать и схватит меня. Но обошлось. Никто не обратил на меня внимания, кроме мужчины, сидевшего через проход. Вы очень красивая, сказал он, похожи на девушку, что я когда-то знал.

Я не оставила им записки. Настолько я ненавидела их. Ее.

Ночью, когда мы с Альдо лежали в его душной, провонявшей кошками комнате, я сказала ему: я хочу, чтобы ты сделал это со мной.

Он начал расстегивать мои брюки.

– Ты уверена?

– Не сомневайся, – мрачно ответила я.

У него был длинный тонкий член, причинявший адскую боль, но я только повторяла: да, Альдо, да, – потому что, по моим представлениям, именно это нужно было говорить, когда теряешь «девственность» в объятиях парня, которого ты якобы любишь.

Похоже, ничего глупее я не могла придумать. Мне было плохо. И дико скучно. Но, естественно, я не признавалась в этом даже себе. Я убежала из дома, а значит, я счастлива! Счастлива! Альдо, предлагая мне неоднократно перебраться к нему, забыл упомянуть, что его отец ненавидит его почти так же, как я ненавидела свою мать. Альдо-старший воевал во Вторую мировую и не собирался прощать «япошкам» гибель своих друзей. Папан больной на всю голову, говорил Альдо. Он до сих пор не эвакуировался из форта Дикс. Пока я жила у них, отец мне и двух слов не сказал. Он был старым скупердям и даже на холодильник вешал замок. Не подходи к холодильнику, рычал он на меня. Нам не разрешалось взять даже лед. Отец с сыном жили в дешевеньком малюсеньком бунгало; я и Альдо спали в комнате, где папаша держал лотки, в которые гадили две его кошки, и по ночам мы вытаскивали лотки в коридор, но старик просыпался раньше нас и затаскивал лотки обратно к нам комнату: я запретил вам трогать мои какашки. Смешно, когда вспоминаешь об этом. Но тогда мне было не до смеха. Я нашла работу, торговала жареной картошкой на набережной и вдыхала то запах горящего масла, то кошачьей мочи, другие запахи я перестала ощущать. По выходным я либо выпивала с Альдо, либо сидела на песке одетая во все черное и писала в дневник; эти записи, воображала я, послужат созданию идеального общества после того, как нас перемелют в радиоактивной мясорубке. Иногда ко мне подкатывались парни с вопросиками типа «и кто, блин, умер?» или «что у тебя с волосами?». Сиделись рядом со мной на песок. Ты красивая девушка, на пляже ты должна быть в бикини. Зачем? Чтобы меня было легче изнасиловать? Помнится, один из них вскочил как ужаленный: мать твою, да что у тебя в голове?

До сих пор не понимаю, как я все это вытерпела. В начале октября меня уволили из картофельной забегаловки; впрочем, к концу сезона вся торговля на набережной закончилась и от нечего делать я торчала в публичной библиотеке, которая была еще беднее, чем библиотека в нашей школе. Альдо начал работать у отца в гараже, отчего они бесили друг друга еще больше, а следовательно, и мне перепало. Дома после работы они пили пиво и сокруша-

лись насчет их любимой бейсбольной команды. Наверное, мне повезло, что они не додумались, зарыв топор войны, сообщая наехать на меня. Я старалась как можно меньше бывать дома, дожидаясь, когда ко мне вернется та самая лихость, вернется и подскажет, что дальше делать, но внутри у меня все высохло, опустело, никаких озарений. Я уже решила, что со мной случилось то, о чем пишут в книжках: с потерей девственности я утратила свою силу. И жутко обозлилась на Альдо. Ты алкаш, говорила я. И кретин. И что, огрызался он. От твоей мохнатки воняет. Та к и держись от нее подальше! Будет сделано! Но конечно, я была счастлива! Счастлива! Я все ждала, что столкнусь на набережной с моей семьей, развешивающей объявления с моей фотографией, – матерью, самой высокой, самой смуглой и грудастой женщиной в округе, Оскаром, похожим на коричневый пузырь, тетей Рубелкой, а может, даже и дядей Рудольфо, если родным удастся отвести его от героя на какое-то время, – но единственные объявления, которые я видела, были о пропавших кошках. Вот вам белые люди. У них кошка потеряется, и они развешивают воззвания на всех углах. А у нас, доминиканцев, потеряется дочь, и мы даже не отменим посещение парикмахерской.

К ноябрю меня уже все достало. Вечерами сидела с Альдо и его вонючим папашей, по телевизору показывали старые сериалы, те, что мы с братом смотрели детьми, и разочарование скребло, будто наждаком, по моим внутренностям, мягким и нежным. Вдобавок холодало, ветер гулял по бунгалу, забираясь под одеяла или врывался следом за тобой в душ. Это было ужасно. И мне все время мерещился мой брат, как он пытается приготовить себе поесть. Не спрашивайте почему. Дурацкие видения. Но в семье готовила я, а единственное, что умел Оскар, – поджарить сыр на гриле. Я представляла, как он, отощавший, обратившийся в тень, топчется по кухне, шаря с тоской в пустых шкафчиках. Мне даже начала сниться мать, разве что в моих снах она была маленькой девочкой, то есть совсем крошечной; она умещалась на моей ладони и все норовила что-то сказать. Я поднимала ее к своему уху и все равно не могла ничего расслышать.

Я всегда терпеть не могла понятные сны. И до сих пор не люблю, когда мне такие снятся.

А потом Альдо решил сострить. Я видела, что наши отношения вгоняют его в уныние, но не понимала, до какой степени, пока однажды вечером он не привел в дом друзей. Его отец уехал в Атлантик-Сити, и ребята пили, курили, рассказывали тупые анекдоты, и вдруг Альдо говорит: «Знаете, что такое “понтиак”? Это автомобиль, который бедный забитый бомж принимает за “кадиллак”». Но на кого он смотрел, когда произносил свою «гениальную» шутку? Прямо на меня.

Ночью он полез ко мне, но я отпихнула его. Отстань.

Кончай злиться, сказал он, кладя мою руку на свой член. Вялый, никакой.

И расхохотался.

И что же я сделала спустя денек-другой? Реальную глупость. Я позвонила домой. В первый раз никто не ответил. Во второй трубку взял Оскар. Резиденция семьи де Леон, кому предназначается ваш звонок? Мой брат во всей красе. Вот почему его все тихо ненавидят.

– Это я, чучело.

– Лола. – Он умолк надолго, и я сообразила, что он плачет. – Где ты?

– Ты не хочешь это знать. – Я переместила трубку к другому уху, стараясь говорить как можно непринужденнее.

– Лола, *мами* тебя *убьет*.

– Болван, говори потише. *Мами* дома, да?

– На работе.

Кто бы мог подумать, сказала я. *Мами* на работе. До последней минуты последнего часа своего последнего дня моя мать будет работать. Она будет работать даже под ядерным ударом.

Наверное, я сильно по нему соскучилась, или мне просто хотелось увидеть человека, для которого я не чужая, или кошачья моча повредила мой разум, но я дала ему адрес кофейни на набережной и велела привезти мою одежду и кое-что из книг.

Деньги тоже привези.

Он замялся.

– Я не знаю, где *мами* их держит.

– Знаешь, Мистер. Просто возьми их.

– Сколько? – робко спросил он.

– Все.

– Это большая сумма, Лола.

– Просто привези мне эти деньги.

– Ладно, ладно. – Он шумно вдохнул. – Скажи по крайней мере, ты в порядке или как?

Я в порядке, и это был единственный момент в нашем разговоре, когда я чуть не заплакала. Сделала паузу, дожидаясь, пока голос не зазвучит нормально, и спросила брата, как он намерен обхитрить мать, чтобы она не догадалась, куда он собрался.

– Ты меня знаешь, – грустно ответил он. – Может, я и лох, но я изобретательный лох.

Мне ли было не знать, что нельзя полагаться на человека, чьими любимыми книжками в детстве были детективы про малолетнего умника по кличке Энциклопедия.<sup>38</sup> Но я плохо соображала, так мне хотелось его увидеть.

Правда, у меня был план. Я хотела уговорить брата бежать вместе со мной. И отправимся мы в Дублин. Работая на набережной, я познакомилась с компанией ирландских ребят и повелась на их рассказы о своей стране. В Ирландии я устроюсь бэк-вокалисткой к U2, и Боно с его ударником оба в меня влюбятся, а Оскар станет доминиканским Джеймсом Джойсом. Я и в последний пункт реально верила. Та к что обманывалась я по полной.

На следующий день я вошла в кофейню в отличном настроении, в каком давно не бывала; Оскар был уже там с сумкой.

– Оскар, – рассмеялась я, – ты такой толстый!

– Знаю, – застеснялся он. – Я беспокоился о тебе.

Мы обнимались чуть ли не целый час, а потом он заплакал.

– Лола, *прости*.

– Да все нормально, – сказала я, а когда подняла голову, увидела, что в кафе входят моя мать, тетя и дядя.

– Оскар! – завопила я, но было уже поздно.

Мать похудела, осунулась, вылитая карга с виду, но вцепилась она в меня так, словно я была ее последним центом, а ее зеленые глаза под рыжим париком пылали яростью. Я отметила невольно, что она принарядилась для такого случая. Для нее это было в порядке вещей. Дьявольское отродье, закричала она. Мне удалось выволочь ее на улицу, и когда она отцепилась от меня одной рукой, чтобы ударить, я вырвалась. Я бежала, только пятки сверкали. Услышала, как она грохнулась и растянулась на мостовой, но я и не думала оглядываться. Нет – я бежала. В начальной школе на соревнованиях я всегда была самой быстрой среди девочек, приносила домой всякие наградные ленты; мне говорили, что это нечестно, ведь я выше всех, но я не обращала внимания. Я бы и мальчишек опередила, если б захотела, так что у моей больной матери, вечно обдолбанного дяди и толстого брата не было шансов меня догнать. Я намеревалась добежать до конца набережной, миновать гребаную лачугу Альдо, выбежать вон из Уайлдвуда и вон из Нью-Джерси, ни разу не останавливаясь. Я не просто убегу, я *улечу*.

---

<sup>38</sup> Детективы про Лероя Брауна по прозвищу Энциклопедия написал американский писатель Доналд Собол (1924–2012).

И так оно бы и вышло. Но я оглянулась. Не смогла удержаться. И Библию-то я читала, про соляной столб и прочее, но когда ты дочь той матери, что вырастила тебя одна без посторонней помощи, от старых привычек тяжело избавиться. Я лишь хотела убедиться, что *мами* не сломала руку или не расшибла голову. Нет, ну в самом деле, кому, на фиг, захочется стать убийцей своей матери по чистой случайности? И только поэтому я оглянулась. Она лежала на тротуаре ничком, парик свалился, и она не могла до него дотянуться, и казалось, что оголилась не ее несчастная лысая голова, но какая-то более интимная часть тела, которую выставлять напоказ стыдно. Лежала и выла, как потерявшийся теленок: *иха, иха*. И вот она я, ее дочь, убегающая от нее в будущее. Наверное, все сложилось бы иначе, испытай я тогда тот прилив сил, что направлял меня, но это чувство куда-то сгинуло. Осталась только я. И кишка моя оказалась тонка. Она распласталась на тротуаре, лысая, как младенец, плачущая, и, возможно, еще месяц – и она умрет, а я – ее единственная дочь на этой земле. Я сдалась. Подошла к ней, наклонилась, и она вмиг вцепилась в меня. И тут до меня дошло: она вовсе не плакала. Она притворялась! Улыбка у нее была львиной.

*Йа тэ тэнго*, я тебя поймала, вот, она вскочила на ноги, торжествуя. Поймала.

Так я оказалась в Санто-Доминго. Похоже, мать решила, что с острова, где я никого не знаю, мне будет труднее убежать, и в каком-то смысле она была права. Я здесь уже полгода и к тому, что произошло, стараюсь относиться философски. Поначалу мне было не до философии, но в конце концов меня отпустило. Это как битва между яйцом и камнем, сказала моя *абуэла*, бабушка. Выигравших нет. Я даже хожу в школу, и хотя эта учеба мне не зачтется, когда я вернусь в Патерсон, но по крайней мере я не бездельничаю, веду себя прилично и общаюсь со сверстниками. Нельзя тебе целыми днями сидеть с нами, стариками, говорит *абуэла*. К школе у меня смешанные чувства. Само собой, я сильно продвинулась в испанском. Эта частная школа с гордым названием «Академия» в подражание американским заведениям кишмя кишит теми, кого мой дядя Карлос Мойя называет *лос ихос де мамии й папи*, маменькиными и папенькиными детишками. И тут появляюсь я. Если вы думаете, что готу в Патерсоне живется несладко, подпишитесь на роль доминиканской американки в какой-нибудь частной школе в ДР. Более стервозных девчонок вы не встретите нигде и никогда. Они сплетничали обо мне до посинения. Кого другого они довели бы до нервного срыва, но после Уайлдвуда меня голыми руками было не взять. Я просто отгородилась от них. И самое смешное, я состою в школьной легкоатлетической команде. Подалась туда по совету моей подруги Росио, девочки из стремного квартала Лос Мина, она стипендиатка, за учебу не платит; Росио сказала, что с такими длинными ногами в команду меня возьмут без вопросов. У тебя ходули призера, предрекла она. Похоже, она поняла что-то, о чем я не догадывалась, и теперь я бегаю за школу 400 метров и другие короткие дистанции. И не устаю поражаться моему таланту к столь простой вещи. Карен упала бы в обморок, если бы увидела, как я спринтую на школьном дворе, а тренер Кортес орет на нас сначала по-испански, потом по-каталански: дыши, дыши, *дыши!* На мне ни грамма жира не осталось, а мускулатура на ногах впечатляет всех, включая меня. Мне уже шорты нельзя надеть, иначе автомобильных пробок не избежать, а на днях, когда *абуэла* забыла ключи от дома, сначала расстроилась, а потом попросила меня: *иха*, давай-ка, пни дверь. И мы обе расхохотались.

Та к много изменилось за эти полгода в моей голове и сердце. Росио научила меня одеваться как «настоящая доминиканская девушка». Она причесывает меня и помогает с макияжем, и порою я смотрю на себя в зеркало и не понимаю, кто я теперь на самом деле. Только не подумайте, что мне здесь плохо. Если бы прилетел воздушный шар, чтобы унести меня прямиком к дому U2, я не уверена, что села бы в корзину. (Но с моим братцем-предателем я до сих пор не разговариваю.) Честно сказать, я даже подумываю, не задержаться ли здесь еще на год. *Абуэла* меня куда бы не отпустила – я буду скучать по тебе, говорит она так просто,

что это не может не быть правдой, а мать сказала, что я могу остаться, если захочу, но дома мне тоже будут рады. По словам тети Рубелки, спуску она себе не дает, моя мать, у нее опять две работы. Они прислали мне фотографию всей семьи, *абуэла* поставила ее в рамку, и стоит мне глянуть на них, как у меня щиплет глаза. Мать больше не носит фальшивую грудь, она выглядит такой худой, что ее трудно узнать.

Знай, я за тебя жизнь отдам, сказала она в последний раз по телефону. И мигом повесила трубку, ответить я не успела.

Впрочем, не об этом я хотела рассказать. Но о том безумном чувстве, из-за которого все это закрутилось, о колдовском чувстве, что сочится из моих костей, пропитывая меня целиком, как кровь вату. Чувство, что подсказывает мне: моя жизнь скоро изменится. Оно вернулось. Не так давно я проснулась от всяких дурацких снов, а оно уже пульсировало во мне. Это как если бы во мне сидел ребенок. Сперва я испугалась, вообразив, что это чувство опять велит мне сбежать, но каждый раз, когда я расхаживала по дому или смотрела на бабушку, чувство становилось сильнее, и я поняла: тут что-то другое.

К этому времени я уже встречалась с парнем, симпатичным черненьким пацаном по имени Макс Санчес; познакомилась я с ним в Лос Мина в гостях у Росио. Роста он невысокого, но его улыбка и прикольные шмотки искупают многое. Поскольку я из *Нуэва Йоля*, Нью-Йорка, он любит поговорить о том, как он непременно разбогатеет, а когда я пытаюсь объяснить, что мне на это плевать, он смотрит на меня как на чокнутую. У меня будет белый «мерседес», заявляет он. *Ту верас*, вот увидишь. Но больше всего мне нравится его работа, из-за нее между нами все и началось. В Санто-Доминго два-три кинотеатра часто делят одну копию фильма, и когда первая бобина заканчивается, то ее вручают Макс, и он несется на мотоцикле на бешеной скорости в другой кинотеатр, потом возвращается, дожидается второй бобины – и так до конца фильма. Если его остановят полицейские или он попадет в аварию, а первая бобина закончится, вторая же не подоспеет, зрители начнут швыряться бутылками. До сих пор ему везло, говорит он и целует медаль Св. Мигеля. Благодаря мне, хвалится он, из одного фильма получается три. Я тот, кто делает кино. Макс – парень не «высшего разряда», как выразилась бы моя *абуэла*, и если бы заносчивые стервы из школы увидели нас вместе, их бы удар хватил, но мне с Максом хорошо. Он открывает передо мной дверь, называет «смуглянкой», а когда расхрабрится, нежно погладит меня по плечу и тут же отдернет руку.

Та к вот, я подумала, что, может, то чувство имеет отношение к Макс, и однажды позволила ему отвезти нас в отель для парочек. Он был так возбужден, что чуть не свалился с кровати, и первое, что он попросил, – посмотреть на мою задницу. Я и не предполагала, что моя большая задница может быть пределом мечтаний, он поцеловал ее раз пять, от его дыхания у меня кожа покрылась пупырышками, а потом провозгласил ее *тесоро*. Когда мы закончили и он мылся в ванной, я встала голая перед зеркалом и впервые посмотрела на свой зад. *Тесоро*, повторила я. Сокровище.

Ну? – спросила Росио, когда мы встретились в школе. Я коротко кивнула, и она обняла меня, рассмеялась, и все девчонки, которых я терпеть не могла, уставились на нас, но что мне до них. Счастье, когда оно есть, одолеет всех шизанутых дур в Санто-Доминго вместе взятых.

Ясности, однако, не наступило. Я имею в виду чувство, оно продолжало крепчать, лишало сна, лишало покоя. Я начала проигрывать забеги, чего прежде со мной никогда не случалось.

Выходит, не такая уж ты потрясающая, а, *гринга*? – ехидничали девчонки из других команд; я только опускала голову. Тренер Кортес так расстроился из-за моего очередного проигрыша, что, не сказав никому ни слова, заперся в своей машине.

Все это страшно доставало, и вот однажды вечером я вернулась домой с прогулки. Макс водил меня гулять на набережную – на что-нибудь еще у него никогда денег не было, – и мы разглядывали летучих мышей, что шныряли зигзагами над пальмами, и нос старого корабля вдалеке. Макс мечтал вслух о том, как он переедет в Америку, а я растягивала мышцы на

бедрах. *Абуэла* ждала меня в гостиной. Пусть она и носит до сих пор траур по мужу, умершему, когда она еще была молодой, моя бабушка – одна из самых красивых женщин, каких я знаю. Мы обе способны полыхнуть, как зазубренная молния, и когда я увидела ее в аэропорту, то сразу поняла, что между нами все будет хорошо, хотя и не хотела в этом признаваться. *Абуэла* держится так, словно самое лучшее, что у нее есть, – это она сама, и когда я подошла к ней, она сказала: *иха*, я ждала тебя с того дня, как ты уехала. Потом обняла меня, поцеловала и сказала: я твоя *абуэла*, но можешь звать меня *Ла Инка*.

В тот вечер она сидела за столом, я подошла к ней сзади, пробор в ее волосах как белесая трещина, и я почувствовала прилив нежности. Обняла ее и вдруг заметила, что она перебирает фотографии. Старые фотографии, у нас дома я таких никогда не видела. Снимки моей матери в юности и других людей. Взяла один – *мами* стоит перед китайским рестораном. Даже в фартуке она выглядит значительной, как человек, который намерен добиться в жизни многого.

Она была реально *гуана*, красавицей, сказала я нейтральным тоном.

*Абуэла* фыркнула. *Гуана* – это я, а она была *диоса*, богиней. Но такая *канеса дура*, твердолобая. Когда ей было столько лет, сколько тебе сейчас, мы с ней не ладили.

А я и не знала, заинтересовалась я.

Она была *канеса дура*, а я... *ексихэнте*, требовательной. Но все обернулось как нельзя лучше, вздохнула бабушка. У нас есть ты и твой брат, и это больше, чем можно было ожидать, если вспомнить, с чего все начиналось. Она вынула из вороха фотографий еще одну: отец твоей матери. Она передала мне фото. Он был моим родственником, и...

Она собиралась что-то добавить и осеклась.

В этот момент меня ударило с ураганной силой. То самое чувство ударило. Я выпрямилась во весь рост, моя мать всю жизнь добивалась от меня такой осанки. *Абуэла* сидела грустная, потерянная, пытаюсь подобрать нужные слова, а я не могла ни шевельнуться, ни вдохнуть. Я чувствовала себя как на последних секундах забега, когда мне казалось, что я вот-вот взорвусь. Бабушка хотела что-то рассказать, и я ждала ее рассказа, готовая ко всему, что бы она ни поведала. Я ждала своего начала.

## Три Трижды разбитое сердце Белисии Кабраль 1955–1962

### Принцесса пожаловала

Задолго до их американской истории, до Патерсона, раскинувшегося перед Оскаром и Лолой городом из сновидений, и даже до победных фанфар, прогремевших на Острове, откуда нас выселили в другой мир, на свете жила-была Ипатия Белисия Кабраль, мать тех двоих:

девушка такая высокая, что шею свернешь, на нее глядя;

такая темнокожая, словно Создательница моргнула, проектируя ее;

и у которой, как и у ее еще не рожденной дочери, обнаружится чисто джерсийский недуг – неукротимая тяга к перемене мест.

### На дне моря

В то время она жила в Бани́. Не в нынешнем сумасшедшем Бани́, существующем благодаря бесперебойному притоку тех расторопных людей, что успели обосноваться в Бостоне, Провиденсе, Нью-Гэмпшире. Нет, то был стародавний чудесный Бани́, красивый и респектабельный. Город, известный своим противостоянием тьме, и, увы, именно там обитал самый темный персонаж нашей истории. На одной из главных улиц, рядом с центральной площадью. В доме, которого больше нет. Там проживала Бели со своей *мадре*, мамой, на самом деле тетей, заменившей ей мать, и если не в полном довольстве, то, по крайней мере, в относительном спокойствии. С 1951-го «дочь» и «мать» держали знаменитую пекарню поблизости от Плаза Сентраль, а в их ветшающем и ничем не примечательном доме всегда был идеальный порядок. (До 1951-го наша осиротевшая девочка жила в приемной семье, с мерзкими людьми, если верить слухам, и об этом мрачном периоде в ее жизни ни она, ни ее *мадре* никогда не упоминали. Они начали с *пахина эн бланко*, с чистого листа.)

Это были прекрасные дни. *Ла Инка* рассказывала Бели историю ее выдающейся семьи, пока они месили и раскатывали тесто (твой отец! твои сестры! твой дом!), или они просто молчали, и в пекарне были слышны только голоса из радиоприемника Карлоса Мойя либо легкие шлепки – это смазывали маслом покалеченную спину Бели. Дни манго, дни хлеба. От того времени сохранилось мало фотографий, но не трудно их вообразить – вот они стоят перед своим безупречным домом на улице Лос Пескадорес. Трогательности ни на грамм, это не в их духе. Респектабельность, заматерелая, величественная, которую ничем не пробьешь, разве что паяльной лампой, и вместе с тем осмотрительность, точно как у маленьких обитателей толкиновского Минас Тирита, и потребовалась вся мощь Мордора, чтобы с этим справиться. Они жили как все добропорядочные южане. Церковь дважды в неделю, по пятницам прогулка в центральном парке, где в ностальгическую эпоху Трухильо малолетних грабителей и помину не было, зато играл прекрасный оркестр. Они спали в одной кочковатой кровати, и по утрам, пока *Ла Инка* подслеповато искала свои *чанклетас*, шлепанцы, Бели, поживаясь, выбегала из дома, и, пока *мадре* заваривала кофе, девочка, прильнув к ограде, смотрела во все глаза. На что? На соседей. На поднимающуюся пыль. На мир вокруг.

*Иха*, дочка, звала *Ла Инка*. *Иха*, поди сюда!

Прокричав раза четыре или пять, *Ла Инка* в конце концов выходила во двор, и лишь тогда Бели отрывалась от забора.



– Чего ты кричишь? – сердито спрашивала она.

Ла Инка подталкивала ее обратно к дому: нет, вы только посмотрите на эту девчонку! Воображает себя невесту кем!

В Белі явно таился бунтарский дух, она всегда куда-то рвалась, покой вызывал у нее аллергию. Девочки из третьего мира почти поголовно возблагодарили бы Господа за столь безоблачное житье: если подумать, у Белі была *мадре*, которая ее не только не била, но даже баловала нещадно (то ли из чувства вины, то ли по складу характера), покупала ей красивые вещи и платила за работу в пекарне, ерунду платила, верно, но больше, чем зарабатывали другие дети в подобных обстоятельствах, то есть больше, чем фигу. Наша девочка *процветала*, но в душе она этого не чувствовала. По неким, смутным для самой Белі, причинам ко времени нашего повествования ей опротивели и пекарня, и положение «дочери» одной из «самых уважаемых женщин Бани». Опротивели, и точка. Все в жизни раздражало ее; всем сердцем она желала чего-то *другого*. Когда эта неудовлетворенность поселилась в ее душе, Белі не могла припомнить; позже она говорила своей дочери, что так было *всегда*, но кто знает, правда ли это. Желания ее были довольно расплывчатыми. Чего ей хотелось? Необыкновенной жизни? Да. Красивого богатого мужа? Да. Очаровательных детей? Да. Женского тела? Без вопросов. Если бы я попробовал облечь ее желания в слова, то сказал бы, что больше всего на свете ей хотелось того, о чем она мечтала в детстве, которого у нее не было, – удрать. *От чего* удрать? С этим просто: от пекарни, школы, скучного до ужаса Бани; от кровати, которую приходится делить с *мадре*; от невозможности покупать модные платья; от необходимости дожидаться пятнадцатилетия, чтобы выпрямить волосы; от несбыточных надежд Ла Инки; от того, что ее давно почившие родители умерли, когда ей был год; от шепотков, сваливавших их смерть на Трухилью; от первых сиротских лет ее жизни; от уродливых шрамов, оставшихся с той поры; от собственной презираемой черной кожи. Но *куда* бы она удрали, Белі толком не знала. Подозреваю, будь она принцессой в огромном замке или наследницей бывшего поместья ее родителей, достославного Каса Атуэй, неким чудесным образом восстановленного после разрушительной атаки Трухилью, состояние ее души не изменилось бы. Она все равно рвалась бы на волю.

Каждое утро одно и то же: Ипатия Белисия Кабраль, *бен ака*, поди сюда!

Сама *бен ака*, бурчала она себе под нос. Сама и поди.

Что за фигня, поморщитесь вы, да любой подросток-эскапист мечтает о том же, поколенческие дела. Однако никакие самые дерзкие устремления не отменяют тот факт, что Белі была подростком, живущим в Доминиканской Республике Рафаэля Леонидаса Трухилью Молины, самого диктаторского диктатора, что когда-либо диктаторствовал. Страну и общество он выстроил так, что защита от побегов была практически стопроцентной. Алякатрас Антильских островов. Ни единой дырочки для какого-нибудь Гудини в банановом занавесе. Шансов смыться не больше, чем уцелевших туземцев-таино, а для запальчивой темнокожей девушки со скромными средствами еще меньше. (Если взглянуть на ее вольнолюбие в более широком аспекте, она страдала от духоты, что угнетала целое поколение молодых доминиканцев. Ее поколение развяжет революцию, но пока оно увядало от недостатка воздуха. Поколение, осознавшее себя в обществе, где самосознание отсутствовало напрочь. Поколение, которое, несмотря на консенсус по части невозможности перемен, жаждало обновления. На закате своих дней, заживо пожираемая раком, Белі скажет, что все чувствовали себя как в капкане. Это все равно что жить на дне океана, говорила она. Ни проблеска света, и вся толща воды давит на тебя. Но многие настолько привыкли к этому давлению, что считали его нормальным и думать забыли о том, что там, наверху, существует иное измерение.)

Но что она могла? Белі была девчонкой, черт возьми, она не располагала ни властью, ни красотой (пока), ни талантами, ни родственниками, которые поспособствовали бы ее перемещению в другой мир; у нее была только Ла Инка, а Ла Инка не собиралась помогать нашей девочке удрать от чего бы то ни было. Ла Инка – накрахмаленные юбки, властный вид – почи-

тала своей главной задачей укоренить Белисию в провинциальной почве Бани, как и в условно золотом прошлом ее семьи. Том, что Бели, рано потеряв, никогда не знала. (Запомни, твой папа был врачом, *врачом*, а мама – медсестрой, *медсестрой*.) Ла Инка надеялась, что Бели воскресит славное имя истребленной семьи, сыграв ключевую роль в операции по спасению рода из исторического забвения, но Бели знала о своих родных только то, что ей рассказывали, и эти байки надоели ей до тошноты. И вообще, при чем тут она? Бели не какая-нибудь несчастная *сигуана* из сказок, чьи ступни повернуты назад в прошлое. Мои ступни смотрят вперед, напоминала она Ла Инке опять и опять. Вперед в будущее.

Твой папа был врачом, невозмутимо твердила Ла Инка. Твоя мама – медсестрой. Они жили в самом большом доме Ла-Веги.

Бели не слушала, но по ночам, когда дули пьянящие ветры, наша девочка стонала во сне.

## Девчонка из моей школы

Когда Бели исполнилось тринадцать, Ла Инка добилась, чтобы ее взяли на бесплатное обучение в «Эль Редентор», одну из лучших школ Бани. Теоретически это был очень сильный ход. Пусть Бели и сирота, но она была третьей и последней дочерью одной из самых значительных семей Сибоа, семьи из высшего общества, и достойное обучение полагалось ей не только по закону, но и по праву рождения. Заодно Ла Инка рассчитывала, что школа охладит порывистость Бели. Учеба в заведении для лучших людей в округе излечит любую глупость, уповала Ла Инка. Но, несмотря на блестящую наследственность, самой Бели было очень далеко до высот, покорившихся ее родителям. Ее никто не пестовал, никто не вразумлял, пока Ла Инке – любимой кузине ее отца – не удалось разыскать девочку (спасти, попросту говоря), вытащив из тьмы, окутавшей ее детство, на свет Бани. За семь последующих лет дотошная, упорная Ла Инка во многом нивелировала ущерб, нанесенный жизнью в чахлой провинции Асуа, но при- скорбная неотесанность девочки все еще бросалась в глаза. Великосветской заносчивости хоть отбавляй, но речь, как у суперзвезды дешевой забегаловки. Бели могла уесть кого угодно и за что угодно. (Годы, проведенные в Дальней Асуа, тому виной.) Идея поместить темнокожую девчонку с сельскими манерами в шикарную школу, где большинство учеников были белокожими детьми высокопоставленных воров, опоры режима, – такая идея выглядела привлекательнее на бумаге, чем на практике. Каким бы гениальным врачом ни был ее отец, в «Эль Реденторе» Бели резко выделялась на общем фоне. В столь деликатной ситуации иная девочка, возможно, сумела бы лучше распорядиться своей полярной несхожестью: потупив взор, игнорировала бы 10 001 колючку, ежедневно втыкаемую в нее как учениками, так и преподавательским составом, и выжила бы. Но не Бели. Она никогда в этом не признавалась (даже самой себе), но в школе она чувствовала себя выставленной напоказ – все эти светлые глаза, что прожорливой саранчой впиваются в ее смуглоту, – и она не знала, что делать с этой уязвимостью. Поэтому делала то, что раньше ее всегда выручало. Держалась враждебно, агрессивно, реагируя на все с бешеной несоразмерностью. Заметят ей, что туфли у нее слегка не того оттенка, и она тут же напомнит «обидчице», что та спит на ходу, а танцует, как коза с камнем в заднице. Уф. Вы просто играете понарошку, а ваша одноклассница бьет по-настоящему.

Словом, к концу второй четверти Бели ходила по коридорам школы без опасения, что кто-то попытается ее задеть. Понятно, оборотной стороной ее победы стало полнейшее одиночество. (И это вам не роман «Время бабочек», где одна из сестер Мирабаль,<sup>39</sup> добрая душа,

---

<sup>39</sup> Сестры Мирабаль – великие мученицы того времени. Патриа Мерседес, Минерва Архентина и Антония Мария, три прекрасные сестры из Сальседо, воспротивились Трухильо, за что и были убиты. (И в этом одна из главных причин, почему женщины из Сальседо пользуются репутацией невероятно суровых созданий; эти никому не спустят, даже Трухильо.) Многие полагают, что их убийство, вызвавшее возмущение в обществе, ознаменовало начало конца Трухильо, став «поворотным пунктом», когда люди наконец решили, что с них довольно.

принимается опекать несчастную ученицу из бедной семьи. Здесь никаких чудес: в школе все ее сторонились.) Вопреки своим сильно завышенным ожиданиям с первых же дней сделаться номером один в классе, а затем королевой выпускного бала в паре с красавцем Джеком Пухольсом, Белі очень скоро обнаружила себя вытесненной за костяной забор макровселенной в глухую мутную бездну – не иначе как колдовством коварной чуди. Ей настолько не повезло, что ее даже не понизили до подгруппы самых жалких существ – мегалузеров, объекта насмешек обычных лузеров. Она была за гранью, на территории злых ведьм. В компании еще двоих ультранеприкасаемых: Мальчика с Железным Легким, которого прислуга закатывала каждое утро в угол классной комнаты, и казалось, что он непрерывно улыбается, идиот, и китайской девочки, чей отец владел самым большим тюремным магазином в стране и был известен под кличкой Китаеза Трухильо. За два года в «Эль Реденторе» Вэй не продвинулась дальше испанской азбуки, но, несмотря на столь очевидное неудобство, она являлась в школу каждый день. Сперва другие ученики доставали ее штампованной антиазиатской хренью. Издевались над ее волосами (такие жирные!), глазами (ты правда можешь видеть сквозь эти шелки?), над палочками для еды (я припасла для тебя пару веточек!), над языком (передразнивая типа *чинь-чонь-ий*). Мальчикам особенно нравилось корчить «китайские» рожи: выпячивать вперед верхнюю челюсть или растягивать веки. Прелестно. Ха-ха. Вот умора.

Но когда развлечение приелось (Вэй не реагировала на их юмор), ее сослали в фантомную зону и даже вопли «китаеза, китаеза» постепенно стихли.

С ней Белі сидела рядом первые два школьных года. Но и у Вэй находилось для нее острое слово.

Ты черная, говорила она, тыча пальцем в худую руку Белі. *Черная-черная.*

Белі старалась изо всех сил, но не могла извлечь высокообогащенного урана, необходимого для бомбы, из низкообогащенного урана своей жизни. В ее ранние потерянные годы Белі ничему и никогда не училась, и этот пробел сказался на проводимости ее нервной системы: она не могла полностью сосредоточиться на заданиях. Из-за упрямства и великих надежд Ла Инки Белісия оставалась привязанной к мачте, хотя ей было плохо и одиноко, а отметки у нее были даже хуже, чем у Вэй. (Уж китаянку ты могла бы превзойти, огорчалась Ла Инка.) Весь класс усердствовал, скрючившись над экзаменационными работами, а Белі пялилась на ураганный вихор на затылке Джека Пухольса, стриженного по-армейски коротко.

Сеньорита Кабраль, вы закончили?

Нет, *маэстра*. И затем вынужденное возвращение к задачкам, словно погружение под воду против своей воли.

Никто в ее окружении и понятия не имел, как она ненавидит школу. Ла Инка точно не догадывалась. Колледж «Эль Редентор» отстоял на миллион миль от скромного рабочего квартала, где они с Ла Инкой жили. И Белі не упускала случая представить свою школу раем, где она весело проводит время с другими бессмертными, – четырехлетним дивертисментом перед финальным апофеозом. Важности у нее только прибавилось: если раньше Ла Инка поправляла ее грамматику и накладывала запрет на жаргонные словечки, то теперь в Нижнем Бани ни у кого не было чище дикции и речи. (Она заговорила, как Сервантес, хвасталась Ла Инка перед соседями. Я же говорила, эта школа стоит хлопот.) Друзей у Белі было негусто – только Дорка, дочка женщины, убиравшейся у Ла Инки, девчонка, не имевшая ни одной пары туфель и боготворившая землю, по которой ступала Белі. Для Дорки она устраивала представления Бродвею на зависть. Придя домой, она не снимала форму, пока Ла Инка силком не стаскивала с нее школьные доспехи (что, думаешь, нам это *даром* досталось?), и постоянно рассказывала о своих одноклассниках, изображая каждую своей лучшей подругой и наперсницей; даже девочки, взявшие на себя миссию изолировать Белі, не подпуская ее ни к кому и ни к чему, эти четыре девочки, которых мы назовем Верховным эскадром, в ее баснях были реабилитированы и представлены в образе заботливых духов, то и дело спускавшихся к Белі, чтобы дать

ей бесценный совет касательно школьных порядков и жизни в целом. Позже, правда, выяснилось, что эскадрон страшно ревнует ее к Джеку Пухольсу (моему бойфренду, напоминала она Дорке) и время от времени кто-нибудь из эскадрона норовит украсть у Белий ее *новио*, суженого, но, конечно же, Джек всегда пресекает их коварные замыслы. Я в негодовании, говорит Джек, отворачиваясь от нахалки. Тем более если учесть, как тепло Белисия Кабраль, дочь всемирно известного хирурга, относится к тебе. В каждой версии после продолжительного ледникового периода злоумышленница бросалась к ногам Белий, моля о прощении, каковое Белий, хорошенько поразмыслив, неизменно даровала. Они не могут совладать с собой, ведь они такие слабые, объясняла она Дорке. А Джек такой *гуано*. Белий создала целый мир! С вечеринками и бассейнами, игрой в поло и ужинами, где бесперебойно подавали бифштексы с кровью, а виноград был таким же обычным лакомством, как и мандарины. Сама того не подозревая, она повествовала о жизни, которой никогда не видела, – о жизни в Каса Атуэй. Столь ошеломительными были ее рассказы, что Дорка часто говорила: я хотела бы ходить в твою школу.

Белий фыркала. С ума сошла! Ты такая глупая!

И Дорка, понурившись, смотрела на свои широкие ступни. Пыльные ступни в шлепанцах.

Ла Инка хотела, чтобы Белий стала врачом (среди женщин ты будешь не первой, но лучшей!), воображая, как ее *иха* разглядывает на свет пробирки с анализами, но Белий на уроках обычно мечтала о мальчиках, окружавших ее (она прекратила пялиться на них в открытую, когда кто-то из учителей написал записку Ла Инке, и та отругала ее: где ты, по-твоему, находишься? В борделе? Это лучшая школа в Бани, *мучача*, и ты рискуешь своей репутацией!), а если не о мальчиках, то о доме, который у нее обязательно когда-нибудь будет, она мысленно обставляла его комната за комнатой. Ее *мадре* хотела, чтобы она вернула себе Каса Атуэй, родовое гнездо, овеянное историей, но дом Белий был новенький с иголочки, и никакой историей там не пахло. В ее любимом сне наяву, навеянном Марией Монтес, эффектный европеец, похожий на Жан-Пьера Омона<sup>40</sup> (который по чистой случайности был вылитый Джек Пухольс), увидев Белий в пекарне, безумно в нее влюбляется и увозит в свой замок во Франции.<sup>41</sup>

(Девочка, проснись! Не то кастрюлю спалишь, вода вот-вот выкипит!)

Она была не единственной девчонкой, кто предавался подобным мечтам. Эта дребедень носилась в *эфире*, идиотские мечты скармливали девочкам денно и ночно. Странно, что Белий удавалось подумать о чем-то еще, при том что в ее голове постоянно крутились эстрадная музыка, песенки, стишки в придачу к газетным колонкам светских сплетен. В тринадцать лет Белий верила в любовь, как семидесятилетняя вдова, оставшаяся без мужа, детей и средств к существованию, верит в Бога. На Белисию, если такое вообще возможно, «волна Казановы» воздействовала еще сильнее, чем на большинство ее ровесниц. Наша девочка была прямо-таки помешана на мальчиках

<sup>40</sup> Жан-Пьер Омон (1911–2001) – французский актер, прославившийся не только своими ролями, но и героизмом во время Второй мировой войны.

<sup>41</sup> Мария Монтес, знаменитая доминиканская актриса, уехала в США, где с 1940 по 1951 год снялась более чем в двадцати пяти фильмах, среди прочих: «Арабские ночи», «Али-баба и сорок разбойников», «Женщина-кобра» и мой любимый «Русалки Атлантиды». Поклонники и критики единодушно провозгласили ее «королевой техникатора». Мария Африка Гра-сиа Видаль (ее настоящее имя) родилась 6 июня 1912 года в Бараоне, экранный псевдоним она позаимствовала у известной куртизанки девятнадцатого века Лолы Монтес (известной кроме всего прочего тем, что она трахала Александра Дюма, отчасти гаитянца). Мария Монтес – оригинальная версия Джей Ло (или любой другой зажигательной южной красотки, от которой невозможно отвести глаз), первая настоящая международная звезда в ДР. В конце концов она вышла замуж за француза (про-щай, царица народа таино) и после Второй мировой войны поселилась в Париже. Утонула в ванне в возрасте тридцати девяти лет. Дома она была одна, никаких признаков борьбы, ни намек на насильственную смерть. Иногда она позировала на фото для Трухильято, но ничего серьезного. Следует отметить, что во Франции Мария проявила себя почти ботанкой. Написала три книги. Две были изданы. Рукопись третьей затерялась после ее смерти.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.